

АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА

Профессиональный
некромант. Мэтр
на учебе

ИДДК

Профессиональный некромант

Александра Лисина

**Профессиональный
некромант. Мэтр на учебе**

«ИДДК»

2017

Лисина А.

Профессиональный некромант. Мэтр на учебе / А. Лисина —
«ИДДК», 2017 — (Профессиональный некромант)

ISBN 978-5-9922-2346-0

Опасно быть некромантом. Особенно если ты потерял старого друга, а сам оказался в теле подростка, обладающего светлым даром. Но кто сказал, что друга нельзя вернуть, а новое тело не может быть лучше трансформы? Кто угодно, только не я. В отличие от светлых, мэтры не впадают в уныние и не опускают руки, а ищут способы превратить в преимущество даже собственную слабость.

ISBN 978-5-9922-2346-0

© Лисина А., 2017

© ИДДК, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александра Лисина
Профессиональный некромант.
Книга 2. Мэтр на учебе

© Лисина Александра

© ИДДК

* * *

Пролог

Умереть – не значит исчезнуть навсегда. Смерть – это лишь повод сменить личину.

Нич

Гости прибыли вскоре после полудня – элегантно одетая дама неопределенного возраста, его сиятельство граф Экхимос и мастер Лиурой, которого я давно не видел и по которому, надо сказать, абсолютно не соскучился.

– Добрый день, господа и леди, – учтиво сказал я, стоя на последней ступеньке раздолбанной до безобразия лестницы. Старательно причесанный, одетый в строгий черный камзол и лично встречающий гостей у телепорта, как положено радушному хозяину. – Прошу извинить за беспорядок, но работы по восстановлению замка еще не закончены.

– Вы на удивление неплохо справляетесь, – благожелательно отозвался граф, кинув изучающий взгляд на опутанную строительными лесами башню. И особенно – на подростки, красующиеся новенькой кладкой стены, поверх которых в самых разнообразных позах восседали каменные горгульи. – Всего за месяц и такие успехи... Поздравляю!

Я кивком поблагодарил графа за комплимент и пригласил войти.

Разумеется, за столь короткий срок полностью восстановить замок мне не удалось – для этого требовалась прорва людей и строительная магия высшего порядка. Но кое-что у нас все-таки получилось. В частности, починить ворота, заменить изгрызенные решетки, обновить ров, нарастить стены и даже навести кое-какой порядок в помещениях. Вернее, пока только в одном помещении – в холле, который служил мне одновременно гостиной, приемной и спальней.

Остановившись возле жарко натопленного камина, я дождался, пока гости рассядутся в специально приготовленные кресла. И, убедившись, что нахожусь в фокусе внимания, негромко сказал:

– Ну а теперь, леди и господа, разрешите заново представиться: барон Вальтиер Сугнар Гиращ Невзун. Рад приветствовать вас в своем замке.

Граф вскинул на меня неверящий взгляд.

– Как вы сказали? Гиращ?!

Я спокойно встретил раздраженный взгляд мага и подтвердил:

– Я взял это имя, чтобы выразить благодарность человеку, которому обязан всем. Мэтр Гиращ погиб, защищая мои земли от некроманта. И это меньшее, что я мог сделать, чтобы почтить его память.

– Мы знаем вашу необычную историю, барон – неожиданно подала голос дама и, как только я повернул к ней голову, тонко улыбнулась. – Мое имя Ларисса де Ривье. Вы, вероятно, его не слышали, поэтому поясню – я являюсь коллегой уважаемого мастера Лиуроя, а также действующим членом Совета магов и заместителем ректора АВМ¹ мастера Фалькуса Умдобра.

Я внимательно присмотрелся к леди.

Худая, несколько нескладная фигура. Темные волосы. Умные глаза. Узкое лицо с излишне резкими чертами... Я никогда не видел эту женщину раньше. Но, кажется, догадываюсь, для чего ее сюда пригласили.

– Вокруг вашей персоны сложилась уникальная ситуация, молодой человек, – тем временем сообщил граф Экхимос. – После недавней проверки ваше родство с бароном Невзуном не вызывает никаких сомнений, поэтому формально вы действительно являетесь владельцем замка и прилегающих к ним земель. Однако фактически вы слишком молоды, чтобы полно-

¹ АВМ – академия всеобщей магии.

ценно ими управлять. У вас нет ни старших родственников, способных взять на себя эти обязанности, ни опытного наставника, ни помощников...

Я промолчал: не имело смысла отрицать очевидные вещи. Мой возраст – это, к сожалению, и плюс, и одновременно большой минус.

– С причинами случившегося пока разбираются, – невозмутимо продолжил граф. – И полагаю, вас еще долго будут тревожить как королевские дознаватели, так и проверяющие от Совета магов. Однако с учетом наличия у вас магического дара было принято беспрецедентное решение – сохранить за вами все имеющиеся привилегии. С расчетом на то, что вскоре вы поступите на обучение в академию магии, получите в связи с этим статус совершеннолетнего и сможете распоряжаться своим имуществом самостоятельно. А до тех пор обязанности по восстановлению баронства возлагаются на меня. Как на вашего официального опекуна, статус которого буквально вчера подтвердил его величество Григоар.

Я коротко поклонился графу. Что ж, это был наилучший вариант из всех возможных. Признаться, я на такую удачу даже не рассчитывал.

– Одновременно с этим вам также был назначен персональный учитель магии, – продолжил его сиятельство, убедившись, что у меня нет возражений по предыдущему пункту. – До поступления в АВМ он будет наблюдать за развитием вашего дара и следить, чтобы процесс его становления происходил правильно.

Что ж, и это было ожидаемо.

Я вопросительно обернулся к леди. Неужели это она будет меня, так сказать, учить?

– Я здесь лишь для того, чтобы засвидетельствовать открытие вашего дара, – улыбнулась Ларисса де Ривье, грациозно поднявшись с кресла. – Род Невзунов в последние пару веков давал Сазулу исключительно темных магов, и по всем правилам вы должны были унаследовать от отца темный дар. Но я рада, что эта традиция оказалась нарушена. Поздравляю, юноша – вы первый на моей памяти светлый маг, родившийся в семье некроманта. Мастер Лиурой не ошибся в оценке ваших возможностей. И, поскольку Совет уже утвердил его кандидатуру на роль вашего наставника, то именно он будет готовить вас к поступлению в академию.

Я едва не скорчил скептическую гримасу.

Вот светлого я здесь точно видеть не хотел бы.

– Рад за вас, барон, – скупно улыбнулся граф Эххимос, тоже вставая с кресла. – И со своей стороны готов заверить, что приложу максимум усилий для скорейшего восстановления ваших земель. Программа развития уже разработана, согласована и одобрена королевским казначейством, люди наняты, скот закуплен, поэтому в ближайшие дни ваши деревни снова оживут.

– Жаль только, у вас совсем не осталось времени на обустройство, – впервые подал голос мастер Лиурой и поднялся следом за графом. – В отношении вас, Невзун, Совет магов пошел на неслыханные уступки. Поскольку ваш дар имеет тенденцию к на редкость быстрому развитию, то вы отправитесь на учебу не через год, как это должно было случиться, а уже через месяц. И вернетесь в баронство только через семь лет. Поэтому распорядитесь оставшимся временем правильно и подыщите себе толкового управляющего.

Я проводил величаво двинувшегося к выходу мага пристальным взглядом.

Не сомневайся. Найду. И сделаю все необходимое, чтобы ты и дальше считал меня неопасным. Жаль только, что времени осталось гораздо меньше, чем я надеялся. Но это тоже не страшно – все, что было задумано, я обязательно успею.

Глава 1

Когда иного выхода не остается, даже убежденный светлый согласится переквалифицироваться в некроманта. И наоборот.
Нич

Едва стемнело, я поднялся в бывшую спальню барона, где теперь находился рабочий кабинет, сменил дорогой камзол на рабочую одежду, и, открыв окно, свистнул.

– Бескрылый!

– Да, хозяин! – тут же спланировала на подоконник на редкость уродливая тварь. Морщинистая кожа, серовато-коричневые перья, орлиные когти на лапах, лысая башка с круглыми желтыми глазами... кто бы мог подумать, что всего месяц назад эта горгулья выглядела, как обычная статуя? А теперь вон как, даже летать научилась. Более того, добросовестно чистит перья по утрам, время от времени дерется с себе подобными и регулярно просит жрать, хотя ей по всем канонам этого не положено.

Оглядев уродца и убедившись, что сделанные мной изменения закрепились надежно, я коротко бросил:

– Присмотри за воротами. До утра я буду занят.

– Сделаю, хозяин! – бодро отрапортовал Бескрылый и выпорхнул на улицу с хриплым воплем: – А ну, пр-р-росыпайтесь, бездельники, якор-рь вам в глотку! Хозяин дал нам р-работу!

Услышав взволнованный клекот и увидев, как на стенах зашевелились остальные твари, я усмехнулся – теперь в моем распоряжении имелась целая стая горгулий, преданная мне до последнего вздоха. Большую ее часть я, разумеется, привез из Масора (чего добру пропадать?), но некоторые были созданы уже здесь. По новому, так сказать, образцу.

Наскоро проглядев вчерашние расчеты, я собрал рабочий инструмент и спустился в подвал, где уже дожидалась Лиш.

– Алтарь готов?

– Да, господин, – кивнула она, посмотрев на меня ясными глазами. Ни корки на лице, ни горба, ни немоты... только рыжая коса и напоминала о родовом проклятии, которое я тоже недавно снял.

– Где Верзила и остальные?

– Ждут внутри, – почтительно отозвалась служанка. – Для ритуала все готово. И ваши амулеты я тоже принесла.

Удовлетворенно кивнув, я отправил девчонку наверх, чтобы ненароком не пострадала, а сам толкнул тяжелую металлическую дверь.

При моем появлении с пола поднялось почти три десятка человек... ну как, человек? Нежити, конечно. Однако с того времени, как я обзавелся собственными «птенцами», они, как и все мое окружение, разительно изменились.

Вальт правильно когда-то сказал – некроманта очень трудно убить, потому что пока живо хотя бы одно его создание, его душа не уйдет.

Меня на этом свете удержали именно они: мои верные умсаки, дремлющие сейчас в полуразрушенном склепе; горгульи, которых я награждал новыми телами; многочисленные артефакты, сделанные еще в старые времена и хранящие частичку моей плоти. И конечно же, те двадцать девять зомби, на привязку которых я в свое время не пожалел ни времени, ни сил.

Моими стараниями всего за месяц с их тел исчезли трупные пятна, в глазах появился здоровый блеск, старые раны закрылись, волосяной покров восстановился, и вообще, со сто-

роны они выглядели почти живыми... до тех пор, пока я не начинал всматриваться в их покоренные ауры.

– Мы готовы, хозяин, – рокочущим голосом произнес широкоплечий кузнец, которого я, оправившись от ран, поднял первым.

– Я выкачаю из вас энергию полностью, поэтому после обряда вы уснете на несколько дней. Когда накопители восстановятся, снова вас подниму – пора вплотную заниматься полями, пока граф не пригнал сюда народ. От работ по замку я вас не освобождаю – за месяц его нужно полностью восстановить. Но к тому времени, как я уеду, надеюсь, мы все закончим, и вы сможете без опаски находиться на солнце и спокойно жить среди людей.

– Хозяин, а магический фон мы здесь не испортим? – внезапно подало голос стоящее в углу громадное зеркало, а торчащая на его верхушке харя озабоченно нахмурилась. – Вдруг проверка из Совета опять нагрянет, а от замка темной магией тянет?

– После смерти лича здесь так фонит, что даже если я старшего демона призову – никто не узнает. А проверка, если и будет, то не раньше, чем через несколько недель. Ну-ка, покажи мою ауру.

Харя послушно кивнула, и поверхность зеркала тут же осветилась.

При виде отразившегося там худощавого подростка я хмыкнул. Ну да, вот это теперь и есть я: торчащие во все стороны рыжие вихры, большие уши, курносый нос, нелепые веснушки. А еще – до безобразия тонкие ручки, костлявое туловище и совсем уж тощие ножки, которых, к счастью, не было видно под штанами.

Зато новая аура оказалась на редкость широкой и больше походила на сверкающий белый кокон, окруживший меня со всех сторон. Основной ее цвет был золотисто-желтым, но местами имелись и зеленые мазки, говорящие о сродстве к целительной магии, и даже круглые белые пятна, свидетельствующие о недюжинном таланте к пространственной. А когда я убрал защиту, то в области солнечного сплетения проступила магическая печать в виде расправившего крылья ястреба – родового знака почившего ныне архимага, которому я был обязан всем, что имел.

Да, без Нича было тоскливо и грустно, а без могучей трансформы я порой ощущал себя уязвимым и слабым как никогда. Однако наличие полноценного дара окупало все. Включая то, что я, будучи потомственным некромантом, неожиданно превратился в светлого мага.

– Покажи мою вторую ауру, – приказал я и спустя пару секунд с торжеством взглянул на то, о чем ни граф, ни леди Ларисса, ни мастер Лиурой не имели ни малейшего понятия.

Окруживший мое тело второй кокон был черен, как сама ночь. И больше походил на искусно сплетенную паутину, центром которой являлась проступившая на левом предплечье вторая печать, чем-то напоминающая гигантского паука.

Надо сказать, передача магической печати – древний обычай, родившийся еще в те времена, когда у бездетных, находящихся при смерти магов было модно передавать силы наиболее одаренным ученикам. Вместе со всем имуществом, слугами, деревьями и даже замками, если таковые имелись. Потом, правда, от обряда отказались, посчитав его малоэффективным, и вскоре забыли.

Многие. Но не все.

У меня таких печатей оказалось две: светлую я получил от мастера Твишопы, когда тот в процессе воскрешения передал мне собственный дар, а темную вырезал на предплечье сам, едва очнулся и обнаружил себя в новом теле. А потом охотно продемонстрировал графу, наглядно подтверждая, что именно я являюсь единственным наследником погибшего мэтра Гиаша.

Будучи обязанным ему (то есть мне) до самого гроба, его сиятельство, хоть и растерялся от неожиданности, все же не отказал мне в любезности помочь с переездом. И благополучно перевез сюда мои личные вещи, обширную библиотеку, весь набор артефактов, замаскирован-

ных под дешевые безделушки, и даже испуганно озирающуюся Лиш, которая, впрочем, быстро меня узнала.

А когда мастер Лиурой, скрипя зубами, пояснил его сиятельству все последствия обряда, граф с большой неохотой выплатил и полагающийся мне гонорар. Все десять с половиной тысяч, которые я честно заработал, пока избавлял эти земли от нежити.

Единственная проблема, с которой я столкнулся, это необходимость скрывать от посторонних тот факт, что моя вторая печать активна. Магическое сообщество до сих пор считало, что это невозможно, и мне совершенно не хотелось никого разуверять.

Более того, наличие двойного дара сделало бы меня объектом пристального внимания Совета, которое юному барону Невзуну ни к чему. Но я успешно решил эту дилемму, наложив на нее сложную защиту. А также целый месяц сливал темные силы в алтарь, накопители и в своих собственных подопечных, благодаря чему моя печать и вторая аура истощились, перестав определяться магически. Лиш очень быстро забыла о проклятии, горгульи смогли ожить, а все три десятка зомби обзавелись нормальной внешностью.

– Отлично, – оскалился я, поворачиваясь к светящемуся алтарю, на котором уже лежала потрепанная книга в обгоревшей обложке. – Время близится к полуночи. Верзила, вам лучше присесть: ритуал воскрешения – дело долгое и муторное. Но если у меня хватит сил, у всех нас скоро начнется новая жизнь...

* * *

Схему ритуала я вычерчивал мелом почти шесть часов и закончил ближе к рассвету, когда близился пик возможностей темной печати.

Сил на это ушло немало, и зомби я, как и обещал, действительно истощил, превратив их в груды беспорядочно сваленных в углу тел. Зато когда рисунок обрел цельность, а я оглядел испещренный символами пол, то испытал чувство глубокого удовлетворения: схема, несмотря на длительное отсутствие практики, получилась идеальной.

– Надеюсь, ты не проклянешь меня за то, что я снова потревожил твой покой, – хмыкнул я, ножом распоров себе предплечье и проследив, как кровь из порезанной вены заполняет выцарапанный на алтаре рисунок. – Ты всегда любил жизнь и боролся за нее до конца. Для тебя не было ничего важнее победы над смертью и собственной немощью. Надеюсь, и после ухода ты не изменил своим принципам. Иначе я зря все это затеял.

Словно насытившись кровью, испускаемый алтарем свет стал ярче, приобретая зловещий багровый оттенок. Такими же недобрыми огнями загорелись и руны на полу, и стены, и даже, кажется, потолок. А спустя несколько минут в комнате заметно похолодало, и вырвавшееся из моего рта облачко пара красноречиво показало, что дверь между мирами вот-вот готова открыться.

Дождавшись, пока на стенах выпадет иней, я криво улыбнулся и, перетянув предплечье заранее приготовленной тряпицей, приложил темную печать к алтарю. А затем начал выводить долгий, монотонный, отчаянно нелюбимый мной речитатив, призванный удержать дверь в Иное хотя бы на несколько мгновений.

Магия крови играла в обряде роль связующего компонента, объединившего мир живых с миром мертвых. Руны выполняли функцию отмычки, с ювелирной точностью подобранной к самому сложному на свете замку. Находящийся в центре схемы алтарь стал источником силы, позволившим повернуть отмычку в замочной скважине. А я становился просто-напросто посредником. Маяком для заблудившейся в коридорах Вечности души.

Правда, и это не гарантировало результата, потому что далеко не всякая душа стремится вернуться обратно: Нич должен был сам услышать и почувствовать мой зов. И сам должен был захотеть вернуться.

– Я знаю, ты не забываешь долгов, – прошептал я, почувствовав, как ворвавшийся в помещение холод стремительно вымораживает нутро. – Однако ты мне должен, Нич, помнишь? И я пришел потребовать с тебя этот долг!

Порыв ледяного ветра, донесшийся из-за границы очерченного мною круга, был поистине страшным. Я едва устоял на ногах, несмотря на целую кучу охранных рун и защитных заклинаний. Над головой тоскливо застонали потревоженные перекрытия. Где-то снаружи грохнула дверь...

А затем вырвавшаяся из алтаря тьма вспыхнула неопрятным черным цветком и, заполнив все вокруг, мгновенно поглотила окружающий мир. При этом она стала почти осязаемой. Живой. Густыми клубами вилась вдоль наружного края пылающей алыми огнями схемы, плотоядно облизываясь и жадно поглядывая на мое кровоточащее запястье.

– Ни-и-ич, – решительно позвал я, не обращая внимания на то, с каким вожделием тьма сжимается вокруг алтаря, с довольным урчанием слизывая один слой защиты за другим. – Нич! Вернись, старый пердун, я должен задать тебе пару важных вопросов! Сумеешь ответить – так и быть: упокою на веки вечные. А если нет – проклянусь! Да так, что тебя и в посмертии будут мучить недельные запоры.

Тьма сгустилась еще сильнее, слепо тыкаясь в испещренные защитными символами стены и все охотнее скручиваясь вокруг меня в тугой водоворот. Пока еще ленивая, сонная, но с каждым мгновением все больше входящая во вкус и все настойчивее пробующая пробиться сквозь мои щиты.

– Нич! – нетерпеливо крикнул я, подметив краем глаза, как одна за другой стремительно гаснут охраняющие руны.

Ничего. В конце концов, мой черед должен был наступить гораздо раньше. Просто обидно было потратить столько усилий и получить за них шиш без масла.

– У тебя последняя попытка, Нич! – гаркнул я, с вызовом подавшись навстречу надвигающемуся мраку. – Второго шанса не будет: проклянусь! Навечно!

Однако мне никто не ответил. Да и книга под онемевшими пальцами не шелохнулась. В то время как тьма отвоевала для себя очередной кусочек пространства и подступила еще ближе, методично уничтожая заметно поблекший охранный круг.

Сколько от него осталось? Две трети? Половина? Нет, уже меньше, а резервов вообще на доньшке: тьма за считанные минуты сожрала почти все, что я сумел собрать – алтарь, который вот-вот рассыплется прахом; с десятков накопительных амулетов, уже успевших превратиться в бесполезный хлам, мои запасы, добытые с таким трудом, и теперь выжигала саму печать, торопясь поскорее добраться до живого нутра.

У меня впервые за ночь нервно дернулась щека.

– Мастер Твишоп?

Тьма злорадно хихикнула и придвинулась еще на шаг, но, кроме нее, больше никто не отозвался. А у меня всего две минуты осталось в запасе, прежде чем изменения в защите станут необратимыми.

– Мастер Люборас Твишоп!

Мой голос снова охрип и опустился до шепота – холод добрался уже до костей, грозя вот-вот заморозить насмерть. Кожа на руках посинела, мышцы свело от холода, губы дрожали и едва могли шевелиться.

– Мастер! – сипло каркнул я, с трудом выталкивая звуки из замерзшего горла. – Эй, меня кто-нибудь слышит?!

Полторы минуты.

– Учитель... – И тут связки перехватило болезненным спазмом. В груди опасно похолодело, ледяным обручем сжимая сердце. Затем тревожно екнуло что-то в душе от мысли, что старый архимаг, возможно, давно обрел долгожданный покой и может не захотеть вернуться.

А мгновение спустя я почувствовал, как что-то острое на пробу царапнуло по окровавленному запястью, и прикусил губу. – Нич!

Печать вспыхнула обжигающей болью, заставив меня скрипнуть зубами и упрямо набиться.

Одна минута.

– Д-друг мой... – мне потребовалось немало времени, чтобы судорожным толчком вытолкнуть из себя эти два коротких слова. И почти все силы, чтобы, уже погружаясь во тьму с головой, разомкнуть обледеневшие губы и беззвучно прошептать:

– Ты нужен мне. Прошу тебя: вернись...

Когда я пришел в себя, в комнате было по-прежнему темно. Все так же недвижимо лежала горка тел в углу, неприятно холодил спину покрытый толстым слоем инея камень. И все так же угрюмо чернел опустевший алтарь, над которым медленно кружились в причудливом танце маленькие, кроваво-красные снежинки.

Стоп. А почему красные?

Понятия не имею. Возможно, я просто смотрю на мир сквозь пелену застывших на ресницах кровавых слез? Похоже, поранился, когда неосмотрительно таранился во тьму. А она – дама мстительная. Жадная до живого тепла. Если не сожрет, так хоть укусит напоследок. Вон как запястье саднит – небось, немалый кусок оттуда отхряпала.

Не испытывая ни малейшего желания выяснять, в чем дело, я бездумно уставился на серый потолок. Шевелиться не хотелось, во всем теле была такая слабость, что подняться на ноги или хотя бы сесть я просто не мог.

Все же кровопотеря оказалась значительной, да и оба дара я сегодня истоцил до предела. Вылечиться, соответственно, был не способен. Связь с зомби и умсаками потерял. Нича не воскресил. Оставалось только смиренно лежать, терпеливо дожидаясь, пока к телу вернется способность двигаться, после чего со стоном подниматься, снова тащиться наверх и утыкаться носом в расчеты, ища в них роковую ошибку, чтобы в ближайший месяц снова рискнуть провести ритуал.

Внезапно откуда-то сбоку послышался тихий стон и слабый скрежет, словно кто-то пытался выдвинуть из зеркала ящик, но у него не хватило сил.

– Х-хозяин? – слабым голосом прошептала невидимая в темноте харя. Видимо, я и ее зацепил, вытянув силы отовсюду, откуда смог. Недаром рама уже не светится, да и псевдожизнь в артефакте едва теплится. – Хозяин, ты живой? Я тебя почти не чувствую!

Я криво усмехнулся.

Что ж, я тоже его почти не ощущал, да и выглядел, судя по всему, хуже некуда. Но еще гаже я себя чувствовал, потому что прекрасно понимал, что не справился с поставленной задачей. И не сумел сделать того, что однажды пообещал.

– Хозяин?! – не дождавшись ответа, тревожно переспросило зеркало, а затем снова загремело ящиками в надежде, что кто-то из зомби очнется и позовет на помощь. – Хозяи-и-ин, что с тобой?!

– Да живой он, – вдруг проворчал еще кто-то поразительно знакомым голосом, который заставил меня вздрогнуть и неверяще распахнуть глаза. – Перестань шуметь, морда немытая. И позови на помощь – ты наверняка можешь весточку горгульям послать. А я пойду взгляну на этого неуча, пока он не окочурился.

Да нет, не может быть...

– Святые умертвия! – внезапно ахнула рожа, и по поверхности зеркала прошла взволнованная рябь. – Хозяин, у вас получилось! Он действительно живой!

– Умолкни, – беззлобно хмыкнул тот же голос, и на мою грудь ловко вспрыгнул бесформенный черный комок с длинными усами. – Как-нибудь без тебя разберусь, кто из нас живой, а кто... хм... не очень.

На меня внимательно взглянули два крупных черных глаза, перед самым носом качнулись длиннющие тараканьи усы, затем мягкие лапки уверенно ощупали мою грудь, прошлись по подбородку, шее, пощекотали кожу возле рта. Наконец Нич снова показался в поле зрения и негромко хмыкнул:

– Долго же ты собирался, ученик. Я надеялся, раньше сподобишься вернуть к жизни старого друга.

– Нич?! – прошептал я, совершенно по-дурацки улыбаясь и чувствуя, как отпускает внутри скопившееся напряжение. Получилось! Вот же демоны... я все-таки его просчитал!

– Ты был прав насчет долга, – неохотно подтвердил мои догадки таракан. – И я действительно тебе задолжал...

А потом вдруг мотнул головой и с такой силой хлестнул меня ставшими невероятно жесткими усами, что от резкой боли в щеке я вздрогнул. Правда, пошевелиться все равно не смог. Разве что удивленно моргнул и непонимающе спросил:

– За что?!

Таракан угрожающе приподнялся на задних лапах и рывкнул. Совсем как в былые времена.

– За то, что чуть себя не угробил!

– Я же тебя вытаскивал, – озадаченно возразил я, испытывая сильное желание потереть саднящую скулу. Нет, то, что Нич воскрес – конечно, замечательно. Я настолько горд собой и так рад своему успеху, что мне почти не больно.

Но сам факт... зачем ударил? Да еще тогда, когда я ответить толком не могу?

Заметив мой вопросительный взгляд, мастер Люборас Твишоп негодуяще фыркнул.

– Каким местом ты думал, когда рассчитывал схему воскрешающего круга?! И какого демона использовал за основу свою печать, когда у тебя есть гораздо более надежный источник?!

Я нахмурился.

– Какой источник? Нич, ты спятил? Как бы я мог использовать светлый дар для воскрешения?

– Дубина. Сколько раз тебе повторять: нельзя работать с непроверенной печатью, которая к тому же не сформировалась до конца!

– А что мне было делать? – возмутился я. – Ты поместил мой дух в тело смертного мальчишки! Надо думать, что энергетические каналы не успели нормально сформироваться!

Нич гневно тряхнул усами.

– Вот неуч... когда же ты научишься правильно смотреть на ауру и различать ее светлую и темную стороны?

– Да у меня дар совсем недавно заработал!

– Но мозги-то, смею надеяться, не отказали? – ядовито осведомился таракан, издав до боли знакомый смешок.

Я тихо-тихо вздохнул, на миг прикрывая глаза. Затем так же тихо выдохнул, с сожалением подумав о том, что пока не способен сотворить какое-нибудь особенно мерзкое заклинание. А затем... резко сел, стремительным движением сцапав наглое насекомое в кулак. После чего поднес его к лицу и ласково попросил:

– Повтори: что ты сказал?

Нич беспомощно трепыхнулся и резко сбавил обороты.

– Да аура твоя... она светлая, если ты еще не заметил. А силовые каналы в теле – темные, ученик! Мне что, носом надо тебя ткнуть, чтобы начал наконец соображать?!

Я застыл, с усилием заставляя себя вспомнить старые формулы. А потом медленно разжал руку и, торопливо перебирая все, что мне было известно о личных печатях, так же медленно проговорил:

– Наличие разнонаправленных потоков силы в одном даре до сих пор считается невозможным. Допустимо лишь присутствие дара одного цвета в сочетании с артефактом другого и строго поочередное их использование при условии, что один из них истощен почти до предела, а второй, напротив, почти полон. Только в этом случае не происходит конфликта между силами.

– Дальше, – непререкаемым тоном велел мастер Твишоп, недовольно отряхнувшись.

– Перед моей смертью ты поставил на мальчишку личную печать, – послушно продолжил я, не заметив, как недавнее раздражение мгновенно испарилось. – Но это был светлый дар. Темный ты не смог бы мне передать, а артефакта нужной силы и подходящего по параметрам рядом не было...

– Да ну? – язвительно переспросил Нич. – А твой любимый кинжал?

– Он же пропал, – невольно вздрогнул я, едва не потянувшись по привычке к пустому гнезду на поясе. – Когда я очнулся, его уже не было.

Под насмешливым взглядом учителя я осекся.

Демоны... Неужто учитель умудрился запихнуть в мальчишку мой ритуальный кинжал?! Идеально настроенный на одного-единственного владельца накопитель темной энергии, к тому же подходящий мне по всем возможным параметрам?! Причем с огромной емкостью, над которой я в свое время немало поработал?!

Я неверяще замер.

– Проклятье... Нич, но как?!

– У парня было распорото брюхо, балда, – наконец сжалился учитель. – Вложить туда кинжал было совсем нетрудно. Сложнее оказалось совместить их так, чтобы они не уничтожили друг друга. Печать, как ты понимаешь, была слаба – я истратил на тебя почти все, чем владел. А кинжал, напротив, был полон сил – напоследок я вонзил его в лича, так что он вобрал в себя его мощь... пришлось его сперва опустошить, а уж потом зашивать тебе пузо. Интересно было посмотреть, каким ты после этого станешь, ясно? Просто не удержался.

– Что?! – отшатнулся я, машинально прижав руку к животу, пытаясь нащупать внутри свой любимый и самый полезный артефакт. – Ты запихнул в меня темный артефакт, даже не представляя толком, чем это могло обернуться?!

– Ты ведь не захотел бы лишиться темного дара, правда? – устало посмотрел на меня таракан.

Я поджал губы.

– Вот поэтому я и избрал для тебя такой путь, ученик. Без моей печати артефакт стал бы бесполезен. А дар... думаю, стать истинно светлым ты бы тоже стать не пожелал. Какой светлый маг из прирожденного некроманта? Вот я и решил попробовать совместить несовместимое.

Я вздрогнул, только сейчас в полной мере осознавая, что именно Нич для меня сделал.

Раньше мне казалось, что его поступок был жестом унижительного для меня милосердия. Опасным порывом души и признаком никому не нужного прощения. Признаться, мысль об этом целый месяц вгоняла меня в ступор, заставляя сомневаться в душевном здравии учителя. Она совершенно не укладывалась в рамки поведенческих реакций старого плута и настолько выбивалась из общей картины, что просто не могла быть правдой.

А теперь у меня появилось другое объяснение...

Оказывается, мастер помог мне в ту ночь не по доброте душевной – для этого он был слишком циничен. Он, как бы парадоксально это ни звучало, хотел проверить одну любопытную теорию. И просто меня использовал, решив, что терять нам действительно нечего.

Конечно, эксперимент был сомнительным, но самодовольный старикан, знающий меня чуть ли не лучше, чем я сам, предположил, что я, если выживу, непременно постараюсь выгнать и его. Хотя бы из чувства долга. А вот если помру... Видимо, оставаться тараканом всю оставшуюся жизнь он не захотел или рассудил, что без меня помрет в любом случае.

Найдя наконец ответы на все мучившие меня вопросы, я облегченно выдохнул. После чего с облегчением улегся обратно на пол и, прикрыв глаза, произнес:

– Спасибо за разъяснения. Кстати, ты знаешь, что с недавнего времени я являюсь учеником мастера Лиуроя?

– Что? – встрепенулся Нич, растопырив длинные усы и свирепо сверкнув глазами. – Тебя взял на обучение этот малообразованный хлыщ?!

Я кивнул.

– Через месяц я должен явиться на обучение в АВМ в качестве молодого и подающего большие надежды светлого адепта. Отказ, естественно, не принимается – меня уже прилюдно освидетельствовали. Так что придется нам с тобой туда отправиться... вместе. Как думаешь, что произойдет, если там появятся два бывших архимага, один из которых до сих пор считается мертвым, а второй всерьез точит зуб на Совет?

Нич замер, округлив глаза и уставившись на меня, как на нечто диковинное. Пошатнулся на внезапно подогнувшихся лапках. А потом выпростал крылья из-под жесткого панциря и, распахнув их во всю ширину, оглушительно расхохотался:

– Ты?! В академии?! Опять?!

Я растянул губы в зловещей усмешке.

– Это не моя вина, учитель. Ты же видишь – они сами напросились.

Глава 2

Показать людям правду и заставить их поверить в то, что это ложь... – вот настоящее искусство.

Нич

В академию всеобщей магии мы явились телепортом. Ровно через месяц после того, как я воскресил старого ворчуна и получил официальное извещение о зачислении.

К этому времени все самые важные дела в замке были благополучно завершены, ремонт закончен, слуги набраны, а в стремительно возрождающиеся деревни наконец-то стал заселяться обещанный графом народ.

Новый староста Вигор взялся за дело с большим энтузиазмом и тут же развернул грандиозное строительство. С управляющим его сиятельство тоже не обманул, и господин Бодирэ, с которым я перед отъездом провел продолжительную беседу, оставил после себя весьма приятное впечатление.

Разумеется, это не помешало Ничу прицепить к его ауре крохотное мотивирующее заклинание, призванное избавить от искушения ненадлежащим образом использовать хозяйские средства. Но, помимо этого, я нашел и другой способ контролировать непроверенный персонал. И, вспомнив старые ритуалы, создал фамильного призрака – огромную склизкую и бесконечно преданную мне полупрозрачную гусеницу, которую наградил самыми широкими полномочиями.

Насчет безопасности замка тоже можно было не волноваться, потому что теперь его стерегли не только горгульи, но и целая свора специально обученных домашних питомцев: хитрюга Мурлыка, к которой неожиданно прикипела душой Лиш; ее младшие сестренки Мявка и Мурка, от которых были без ума все наши слуги; Гавкач, от грозного рыка которого иногда подсказывал даже я; Рев и Гром, от которых даже лишнего «гав» было не дожидаться; длинноручий любимец Нича – Жрака, которого я уже два раза хотел уменьшить в размерах, чтобы не переводить понапрасну еду; наглый до удивления Пачкун, которому я пообещался собственноручно заштопать отверстие в туловище, если тот не прекратит гадить на ковры. А также куча всякой другой мелочи, которой я велел сидеть в подвале до особых распоряжений...

– Гиращ, не спи! – сердито пихнул меня под мантией Нич, когда со стороны главного входа академии прозвучали фанфары, а на украшенном праздничными лентами крыльце возник мастер Фалькус Умдобр – один из сильнейших архимагов Сазула и одновременно ректор академии всеобщей магии.

По идее, его долгая, избыточная сочными эпитетами речь должна была пробудить во мне ностальгию, но я откровенно скучал. И, не особенно прислушиваясь к пространным рассуждениям ректора, лениво изучал сокурсников.

Набор этого года оказался небольшим – примерно три десятка светлых новичков, подавляющее большинство которых принадлежало к мужскому полу, и всего восемь темных, при виде которых у любого мэтра слезы навернулись бы на глаза.

Ощетинившиеся, сбившиеся в кучу, затравленно озирающиеся парни и одна худющая девица с бледным лицом и заплетенными на затылке хилыми косичками... ох, неужели вот они и есть надежда на возрождение Темной гильдии?

От размышлений меня отвлек оглушительный рев фанфар.

Я встрепенулся и с удивлением обнаружил, что пропустил появление на крыльце остального преподавательского состава. Безошибочно отыскав среди них леди Лариссу де Ривье, удовлетворенно кивнул и с внезапно пробудившимся любопытством понял, что церемония приветствия за прошедшие годы несколько изменилась.

В этот самый момент господин ректор, подняв посох над головой, резким движением опустил его вниз, заставив весь двор содрогнуться. Ударившись о камни, деревянное основание громко бумкнуло; украшенное эмблемой академии² навершие ярко вспыхнуло, а изображение на нем внезапно ожило. И оттуда с клекотом вырвались два небольших, размерами с кошку, призрачных грифона, двумя свечками взмыв в ослепительно синее небо.

– Это что, поисковые заклинания? – шепотом удивился Нич, на минутку выглянув из-под моего воротника. – Хм... одно темное, другое светлое... при мне такого не было.

Студенты затаили дыхание, а я проследил за выписывающимися в воздухе широкие круги иллюзиями и пожал плечами. Подумаешь, еще один дурацкий обычай...

Внезапно один из грифонов, торжествуя заклекотав, ринулся вниз, прямо к взволнованно зашевелившимся первокурсникам. В то же мгновение среагировал и второй, с таким же торжествующим воплем ринувшись ему наперерез. Почти над самой моей головой горластые твари встретились и, как назло, столкнулись, после чего, к удивлению присутствующих, принялись ожесточенно выдирать друг у друга перья.

По рядам адептов прошла волна шепотков. Преподаватели растерянно переглянулись. Магистр Фалькус изумленно вскинул брови, следя за бьющимися не за жизнь, а на смерть грифонами. А когда заметил, что время от времени кто-то из них пытается снизиться, но второй тут же накидывается на соперника с удвоенной яростью, негромко хмыкнул:

– Интересно. После десяти лет молчания и вдруг – такая активность...

– Ваши грифоны сошли с ума, магистр? – вежливо предположил один из преподавателей, неслышно подойдя к ректору со спины.

Мастер Фалькус покачал головой.

– Кажется, они просто обратили внимание на одного и того же кандидата.

– Простите, магистр, – кашлянул маг. – Но это невозможно. Каждый из них выискивает самый сильный дар строго своего цвета.

– Грифоны, видимо, посчитали иначе. Или же у кого-то из новичков имеется при себе могущественный, противоположный по знаку относительно дара артефакт.

Преподаватель, кинув быстрый взгляд на истошно орущих, бешено полосующих друг друга когтями призраков, скептически искривил губы.

– Если бы сюда смогли пронести мало-мальски серьезный артефакт, сработала бы система защиты. К тому же я не чувствую присутствия сильных амулетов или нестандартных плетений, способных вызвать столь бурную реакцию вашего посоха.

– Возможно, – задумчиво отозвался мастер Фалькус, теребя седую бороду. Затем проводил глазами постепенно истаивающие в воздухе перья и покачал головой. – Хотя защита не идеальна, и вы прекрасно об этом знаете... Пожалуй, пора прекратить это безобразие и отпустить адептов в комнаты.

Преподаватель коротко кивнул.

– Мне начать проверку?

– Нет, – едва заметно качнул головой магистр. – Не будем заострять внимание на инциденте.

После чего коротким свистом подозвал потрепанных питомцев, одним щелчком пальцев вернул их на положенное место, дождался, когда на площади вновь установилась мертвая тишина, и, прежде чем дать последние напутствия юным магам, вполголоса обронил:

– До чего же интересно начинается этот год...

² Герб АВМ – на светло-синем фоне расположена раскрытая книга, символизирующая собой древнее знание, а над ней находятся два обращенных навстречу друг другу, стоящих на задних лапах грифона – черный (слева) и белый (справа), – которые считаются символами гильдий.

* * *

Я был недоволен. Вернее, не так: я был крайне недоволен! Потому что потратил целых три часа своей жизни на всякую ерунду и потому, что в самый последний момент меня нахально пометили... то есть отметили своими призрачными соплями сразу две поганые иллюзии!

Зайдя в холл первого этажа Белой башни и раздраженно покосившись на украсившее правый рукав подозрительное белое пятно, сильно смахивающее на обычный птичий помет, я стряхнул эту гадость, и, не обращая внимания на семенящих за мной по пятам новичков, огляделся.

В башне светлых мне до сих пор бывать не приходилось – некроманты могли войти сюда лишь после специального приглашения, которого, разумеется, нам никто и никогда не давал. Тем не менее особых отличий при беглом осмотре я не заметил.

Так же, как и у нас, Белая башня состояла из десяти этажей, каждый из которых отводился под отдельный курс. Каждый этаж, в свою очередь, имел холл, откуда расходились два абсолютно идентичных коридора под мужскую и женскую половины; личные комнаты учеников, количество которых менялось в зависимости от числа адептов на курсе; а также целых две стандартные телепортационные арки, значительно облегчающие передвижение по академии.

Разумеется, перейти на другой этаж можно было и по спрятанной за неприметной дверкой лестнице, идущей в вертикальном тоннеле от подвала до самой крыши. Но какой же дурак пойдет пешком, когда есть возможность использовать телепорт?

Однако дабы адепты не обленились, арки позволяли свободно перемещаться лишь в пределах одной башни. Или же могли переправить адепта в холл учебного корпуса, где имелись свои собственные порталы, ведущие напрямую в лаборатории, учебные комнаты и лекционные залы, обозначенные многочисленными рунами, в которых даже старожилы иногда путались.

Что касается административного корпуса и расположенных посреди живописной рощицы домов преподавателей, то туда адепты могли попасть только ножками. Пешочком. Часа через полтора бесцельных блужданий по напичканному всякими любопытными заклятиями лесочку. А если учесть, что на первом году обучения рунный алфавит только начинал преподаваться, и то, что некоторым, особо выделившимся студентам приходилось чуть ли не каждую неделю навещать начальство, чтобы получить очередную выволочку, то можно сказать, что о физической форме адептов тут не забывали.

Покосившись за спину, где неловко мялись три десятка сокурсников, покорно притопавшие следом за мной через телепортационную арку, я чуть не фыркнул. Эти светлые похожи на стадо баранов, где каждый с надеждой смотрит на соседа и ждет, когда тот сделает первый шаг!

На этот раз первый шаг сделал я и без всяких угрызений совести воспользовался аркой, заодно проведя через нее остальных и благополучно добравшись до жилых помещений.

– Эй! Как вы сюда попали?! – внезапно раздалось откуда-то сбоку, и из соседнего телепорта выскочил тщедушный мужичок с впечатляющей лысиной на макушке. – Кто провел адептов через телепорт?! Кто тут такой умный?!

Я оглядел неприятного типа, который, видимо, должен был встретить нас сразу после общего сбора, и хмуро уронил:

– Ну я.

– Кто вам позволил покинуть учебный корпус?! – почти завизжал он, наливаясь дурной кровью. После чего схватил висящий на шее амулет и нервным движением костлявого пальца усилил и без того яркий свет в холле, отчего присутствующие вынужденно зажмурились. – Почему не дождались сопровождающего?! Почему нарушили приказ ректора?!

Я недобро прищурился.

– Такого приказа нет в академических правилах. И на собрании магистр не упоминал ни о каких запретах. Впрочем, может, ты объяснишь, почему весь первый курс академии был вынужден топтаться в холле, как безродные щенки, дожидаясь твоего появления?

– Чего-о?! Как ты ко мне обраща... – возмущенно вскинулся мужик, но когда я, будучи не в духе, одним стремительным движением оказался рядом и тяжелым немигающим взглядом уставился ему прямо в глаза, осекся. – А-а-а... дык это... молодой мастер... я ж того... случайно, что ли...

– Поясни, – прошипел я, не разжимая губ. – Мне рассматривать твое пренебрежение обязанностями как оскорбление?

Мужик вжал голову в плечи.

– Не виноватый я. Оно... это... само получилось!

– Имя! – потребовал я, испытывая сильное желание начать собирать материал на курсовую прямо здесь и сейчас.

– Снудер! – тут же вытянулся во фрунт мой будущий доброволец для алтаря. – Магдур Снудер, господин!

– Должность?

– Завхоз, молодой мастер!

– И где ты был, позволь спросить, пока мы торчали в учебном корпусе? – мой голос опасно подобрел.

– Темными занимался, господин! – на одном дыхании выпалил мужичок. – Ими было велено сразу, как только освободятся... Не сердчайте, господин! Это приказ ректора!

Я нахмурился.

– С чего это темных пропустили вперед? Насколько я помню, раньше дела обстояли ровным счетом наоборот.

– Дык новое положение по академии, – заискивающе улыбнулся Снудер. – Темным везде и во всем велено оказывать содействие. Все-таки вымирающий вид... Я, как только их устроил и все объяснил, тут же кинулся к вам, но вас и след простыл!

Окинув замершего Снудера долгим взглядом, я все-таки решил повременить с курсовой и благожелательно кивнул.

– Раз приказ ректора – прощаю. Что у тебя тут за хозяйство? Рассказывай.

– Дык это... – облегченно перевел дух мужичок. – Все как обычно: левая половина башни – мужская, правая – женская. Купальни, кладовые, умывальни и все такое прочее на каждой половине свои. Комнаты для вас уже готовы.

– Пространственная магия? – тоном знатока поинтересовался я.

– Конечно, господин, иначе нам не удалось бы разместить столько помещений внутри башни, – почуввав, что расправа откладывается, заметно осмелел завхоз, после чего рьяно подбежал к первой попавшейся двери в левом коридоре и пинком ее распахнул. – Комнаты обычные, рассчитанные на двух человек. Кровати, тумбочки, один шкаф на двоих и письменные столы... ваши учебники уже доставлены. Личные вещи големы-рабочие принесут, как только вы определитесь, кто где поселится. О правилах распорядка я расскажу вам чуть позже.

– Какая комната здесь лучшая? – тут же прищурился я.

– Вторая с начала.

– Тогда я ее забираю. Возражения есть? Нет. Отлично, – бодро заявил я, целеустремленно двинувшись к указанной двери. Но потом вспомнил о важном и обернулся к завхозу. – Да, кстати... поскольку со мной невозможно находиться рядом дольше одних суток, а парней нечетное число, то комнату я забираю себе целиком.

– Но это же не по правилам... – вякнул было Снудер.

– Рад, что вы не против, – уверенно кивнул я и, царственным жестом отмахнувшись от возражений, гордо проследовал в присмотренные апартаменты, довольный тем, что все так легко решилось.

С грохотом закрыв за собой дверь, я оглядел выбранное жилище и без особых церемоний вытряхнул из-под мантии громадного черного таракана.

– Осваивайся, Нич. На ближайшее время эта каморка станет нашим новым домом.

– Ну что сказать, – задумчиво обронил через полчаса мастер Твишоп, вальяжно развалившись на подушке. – Комната стандартная, без подвохов. Защитная система не запрещает пользоваться магией, но при достижении магического фона выше десяти единиц обязательно просигнализирует ректору или кому-то из преподавателей. В мое время за каждой башней был закреплен смотритель-маг из числа учителей, но теперь, видимо, это правило отменили.

Я рассеянно кивнул, следя за тем, как голем – человекообразное нечто с длинными руками, толстыми ногами, массивным туловищем и одним-единственным глазом-амулетом – аккуратно складывает в углу мои вещи.

– Завесь ему «глаз», – посоветовал магистр, когда голем закончил с сумками и замер в углу. – В мое время в амулеты запихивали простенькие следилки³. И будет нелишним накинуть на комнату заклинания, исключающие подслушивание и подсматривание.

Вытащив из ближайшей сумки ворох сменной одежды, я фыркнул и приступил к сортировке.

– Не думаю, что ректору есть какое-то дело до моего нижнего белья. К тому же если мы такие заклинания навесим, то это может вызвать подозрения.

– А мы используем элементарные формулы, знакомые даже новичкам. В крайнем случае скажешь, что отыскал их в какой-нибудь умной книжке.

Я покрутил в руках совершенно светлые штаны, которые, видимо, Лиш запихнула в торбу, затем вторые, третьи... и досадливо крикнул. Потом достал такую же светлую рубаху и поморщился, а когда обнаружил в мягкой тряпичной куче еще и вторую белую рубаху, то ошутимо встревожился.

Так! Что за безобразие? Я мэтр или кто?! Где мои черные брюки и жилет? А любимая мантия с кармашками? Если Лиш забыла ее положить, я с ней такое сотворю... Ах нет, вот же она, родимая. Спряталась на самом дне и выглядит в этой светлой куче совершенно чужеродным предметом.

Достав старую мантию, я бережно убрал ее в шкаф.

– Так и поступим. Что еще посоветуешь?

– Ну, – снова задумался Нич. – Открывать портал в замок отсюда не стоит – повысим магический фон сразу на тридцать-сорок единиц. Придется тебе побегать по корпусам в поисках подходящего места.

– У меня уже есть одно на примете. Фон там никогда не опускается ниже пятидесяти, так что даже индивидуальный портал останется незамеченным. Если, конечно, это место еще не обнаружили и не взломали защиту.

Нич встрепенулся.

– Что за место?

Я подчеркнуто неторопливо достал из сумки исподнее и аккуратно сложил в тумбочку.

– Гира-аш...

Следом за исподним в тумбочку отправилась пижама, потом в шкаф убрались сапоги, новенькие ботинки, которые в академии мне не понадобятся.

– Гираш! – возмущенно рявкнул мастер Твишоп, устав дожидаться ответа.

³ Следящее заклинание.

Только тогда я медленно обернулся и, усевшись прямо на пол, испытующе посмотрел на учителя.

– Что?

– Не хочешь говорить? – насупился он, буравя меня глазами-бусинками.

– Хочу сперва все проверить, – признался я. – Все же много воды утекло с тех пор. Вдруг ничего не осталось?

– Секретка у тебя, значит, – неожиданно успокоился таракан. – Впрочем, иного ждать не приходится – у тебя на все готов запасной план и целая куча вероятных решений.

– Не на все, – теперь пришла моя очередь насупиться. – Сегодня я чуть не прокололся с грифонами. Как считаешь, который из них на тебя среагировал?

– Белый, конечно! – удивился магистр. – Я же светлый архимаг!

– А на меня тогда какой? – невесело хмыкнул я.

– Да ведь... – учитель неожиданно осекся и снова задумался. – Хм. А ты прав: темного-то дара в тебе не видно – сам давеча помогал его истощить и прикрыть от любопытных. Почувать никак не могли. Но тогда... да нет, не может быть!

Я криво усмехнулся.

– Если мой дар сейчас светлый, и один грифон на него отреагировал... то что случилось со вторым? Получается, он на тебя клюнул?

– Избави небо! – Таракан аж содрогнулся всем телом и резким движением перевернулся на брюхо. – Я же не нежить!

Под моим насмешливым взглядом Нич замер, а потом встрепенулся, распахнул пасть, выпростал из-под панциря полупрозрачные крылья и жутковатым голосом прошипел:

– Даже думать не смей! Я просто-напросто – воскрешенный дух, заточенный в твоей дурацкой книжке! У меня есть дар! Я молнии могу создавать! И вообще, я... я... – он чуть не задохнулся от возмущения. – Я живой, Гиращ! И не смей считать меня нежитью, понял?!

Я хмыкнул.

– Даже ты не можешь не признать, что в таком состоянии ты больше подпадаешь под определение одушевленного артефакта...

– Я тебе щас как дам!

– Причем темного артефакта, – с ехидной улыбочкой закончил я, на всякий случай передвинувшись подальше от облюбованной Ничем кровати. – Так что выводы делай сам.

– Тьфу на тебя! – сплюнул таракан, заметавшись по подушке, как ненормальный. – Это что же получается, а?! Ты у нас теперь светлый маг со всеми вытекающими последствиями... причем тебя видят и воспринимают именно так, потому что я сам, своими руками передал тебе этот дар! А я выгляжу, как какой-то поганый артефакт, способный лишь на то, чтобы... Гиращ, я тебя убью!

При виде грозно встопорщившего усы таракана я довольно оскалился.

– Без меня ты не вернешь себе тело. А без него так и будешь испускать эманации темной силы, как какой-нибудь лич.

– Гаденьш! – простонал Нич, обессиленно рухнув на подушку. – Какой же ты все-таки гаденьш... Я тебе это припомню! Когда-нибудь, когда обрету заново способности... и ты пожалеешь...

– Кстати, ты заметил, что в академии сменили форму? – самым невинным тоном поинтересовался я, сделав вид, что не слышу скрежетания чужих зубов. – Старая мне нравилась больше: издалека можно было понять, кто темный, а кто светлый. А что теперь?

В качестве демонстрации я развел руки в стороны и помахал ими, чтобы полы длинной мантии начали развеиваться.

Лет сто назад у мастеров она была серебристой и блестящей, как сопля новорожденного зомби. У мэтров, напротив, насыщенно-черной. Теперь же у всех адептов вся форма была

одинакового темно-синего цвета: синие брюки, синие жилеты, надетые поверх белых рубашек, синие мантии... У девушек, соответственно, платья длиной чуть ниже колена. И у каждого на груди в обязательном порядке была нашита эмблема академии – та самая, с грифонами. Только у светлых оба грифона были белыми, а у темных, соответственно, черными. Что, на мой взгляд, необоснованно уравнивало студентов в глазах друг друга и преподавателей.

– А перстни они оставили прежними, – вдруг заметил Нич, оглядев меня с ног до головы.

Я кинул взгляд на левую руку, на безымянном пальце которой красовался обязательный атрибут ученичества – массивный перстень все с теми же треклятыми грифонами.

– Приятно знать, что мои идеи до сих пор востребованы, – усмехнулся таракан. – Ни один адепт не может снять эти колечки по собственной воле.

– Кроме меня.

– Ты – архимаг, хоть и бывший. Да и не нужны тебе встроенные в кольца указатели направления: ты и без них всю академию облазил вдоль и поперек. А вот первогодкам это более чем полезно. Да и преподавателям проще за ними следить... Когда собираешься искать место для телепорта? – резко поменял тему разговора Нич.

– Сперва осмотрюсь. Проверю, что за защита стоит в корпусах. Заодно взгляну поближе на светлых... надо же знать, с кем мне предстоит сидеть за одной партой?

– Смотри, не запугай мелких, – хихикнул таракан. – Детишки совсем еще юные, неиспорченные.

– Если захочу их испортить, покажу им тебя, – парировал я. – Пусть учатся держать удары судьбы с молодости.

– Только не забывай вот о чем, – внезапно посерьезнел учитель. – Ректор не дурак – о случившемся на площади не забудет. И скорее всего, через какое-то время устроит проверку. И если ты во второй раз привлечешь к себе внимание...

– Знаю, – кратко обозначил я свое отношение к проблеме. – Не беспокойся: приму меры. Мы закрыли мою печать. Артефактов я с собой не взял. С порталом разберусь и отыщу для него спокойное место.

– Боюсь, ты слишком много знаешь...

– Вот и обратим эти знания мне на пользу.

Таракан заинтересованно повернул голову.

– Что ты придумал?

– Собираюсь выделиться из толпы, – коварно улыбнулся я. – И сделаю это так, что ни у кого на мой счет не возникнет даже намек на сомнение.

– Каким, интересно, образом? – скептически хмыкнул учитель.

– Очень просто: я стану лучшим.

– Ха-ха! Не уверен, что ректор обрадуется, обнаружив в академии опытного мэтра старой закалки!

Я покачал головой.

– Ты меня не понял – я собираюсь стать лучшим светлым, Нич. Причем не только на своем курсе.

– Что-о?!

– Что слышал, – ухмыльнулся я, мечтательно уставившись на каменный потолок. – Что может достовернее опровергнуть мою приверженность темным, нежели полученное законным путем звание светлого архимага?

Нич поперхнулся.

– Гиращ, да ты...

– Гений, я знаю, – небрежно отмахнулся я и скрестил руки на груди. А потом повернул голову и внимательно уставился на шокированного таракана. – Ты ведь закончишь мое обучение, Нич? Сейчас, когда для этого представился удобный случай?

Мастер Твишоп растерянно крякнул. Но потом подумал, прикинул что-то про себя и вдруг хитро прищурился.

– А что я с этого буду иметь?

– Новое тело, – одобрительно хмыкнул я. Молодец старик – блюдет свои интересы, как живой. – Оно будет таким, каким ты сам захочешь.

– По рукам! – махнул лапкой таракан, азартно сверкнув глазами. – И пусть академия вздрогнет!

Глава 3

Трудно быть хорошим, когда все вокруг плохо.
Мэтр Гираш

Разбудили нас рано – рассвет едва-едва позолотил верхушки жилых башен, как в комнатах адептов прозвучала высокая до ломоты в зубах трель колокольчика.

Выразительно скривившись, я открыл глаза и мрачно уставился на белый потолок. Всегда ненавидел сигнал к пробуждению, несмотря на то что для юных мэтров он звучал на целых полчаса позже – академия с пониманием относилась к ночному образу жизни моих коллег, поэтому не издевалась над будущими повелителями смерти. А вот про то, что светлым доставалось еще больше, я понятия не имел. До этого конкретного момента. Что, разумеется, не способствовало улучшению настроения и не вызвало у меня ни малейшего энтузиазма.

– Вставай, Гира-аш! – до отвращения бодрым голосом пропел Нич, с размаху плюхнув мне на живот какую-то книжку. – Собирай учебники и тащи свои бранные останки в столовую! Юные адепты должны хорошо питаться, чтобы не выглядеть так, как выглядишь сейчас ты!

Раздраженно отбросив одеяло и уронив его вместе с книгой на пол, я неохотно встал и, кинув быстрый взгляд в зеркало, поморщился: не так уж я страшен по утрам. Чего он напраслину возводит?

Конечно, мослы еще торчали, вышибая жалостливую слезу у неподготовленных зрителей, но я не пренебрегал физическими упражнениями и за последний месяц кое-чего добился. Да и питался не в пример лучше, чем когда находился в неприхотливой трансформе. Другое дело, что все питательные вещества ушли в рост, поэтому я как был тощей глистой, так и остался. А то, что мою кожу теперь от горла до пяток украшала сложная татуировка, похожая на проявление болезненной фантазии безумного художника, было просто жизненной необходимостью.

Да, я прекрасно понимаю, что выглядело это жутко: чудовищное переплетение ломаных линий; дикие узоры, которые словно рисовали дрожащей с перепоею рукой; рассеянные по телу кляксы, подозрительно напоминающие потеки крови, которых не было, пожалуй, только на лице... но, во-первых, они были видны не всегда, а во-вторых, в точности повторяли рисунок темных каналов моего тела. К тому же Нич сам предложил использовать для татуировки вытяжку из семян астериса, обладающую слабым магическим фоном. И прекрасно знал, что впитавшийся в кожу состав будет не виден при дневном свете, но зато в отсутствие освещения начнет полыхать желтоватыми огнями, напоминающими свечение гнилушек.

– Свет, – буркнул я, мельком оглядев жутковатое отражение, кажущееся из-за отсутствия пигмента на лице безголовым. Если кто-то встретит этот кошмар на темной улочке, то навсегда останется писающим в штаны и вздрагивающим от каждого шороха ваулой⁴. Впрочем, свои плюсы тут тоже имелись – если что случится, я всегда смогу использовать эффект неожиданности.

Под потолком послушно зажглось несколько магических светильников, и безголовая жуть из зеркала исчезла, превратившись в обычного рыжеволосого подростка.

Нич, нашедшийся в изголовье моей кровати, гадко хихикнул, а потом шустро перебрался на комод и уже оттуда наставительно заметил:

– Ничего. Главное – не раздеваться в общественных местах и не общаться с женщинами в темных помещениях.

Я мрачно покосился на довольного таракана.

– А я, между прочим, тебе форму почистил! – важно надулся тот.

⁴ Ваула – заика.

– Спасибо. Кто бы мог подумать, что за мной будет ухаживать светлый архимаг. Портянки вечером постираешь?

– Болван. Нагадивший на тебя грифон был не простой иллюзией – ректор снабдил его не только заклинанием поиска, но и умением ставить магические метки. Видимую-то ее часть ты вчера благополучно стряхнул, а вот самую важную как раз и не заметил...

– Заметил, – проворчал я, натягивая форму. – Что я, глупее тебя? Просто решил заняться этим с утра.

Нич фыркнул.

– Да тебя поутру не поднять! Чтобы не услышать знаменитый академический колокольчик...

– У нас в башне всегда был колокол. Не чета этому недоразумению.

– Посмотрим, как ты завтра запоешь, – буркнул задетый за живое Нич. – Кстати, ты уже опаздываешь. А если бы я не почистил мантию, тебя бы отыскали в два счета!

– Почему это я опаздываю? – непонимающе обернулся я, натянув брюки до середины бедер.

– Потому что для светлых адептов занятия начинаются раньше, чем для некромантов!

– Да я же только встал! Звонок прозвенел совсем недавно!

– А это был уже второй, – гаденько хихикнул Нич, на всякий случай перепрыгнув на свою постель. – Первый ты благополучно продрых. Так что до начала занятия у тебя осталось примерно... пять минут.

– Что-о?!

– Точнее, уже четыре.

– И ты молчал?!

Нич проворно переметнулся на свою постель, чтобы оказаться от меня как можно дальше, и уже оттуда резонно заметил:

– Ты мне про тайник не сказал. Надо же было вернуть должок?

Глухо ругнувшись, я натянул брюки до конца, торопливо их застегнул, накинул на себя рубашку, подхватил со стула мантию и, цапнув уже собранную сумку с книгами и тетрадками (хоть на это у него ума хватило!), вылетел за дверь.

– Постарайся не убить преподавателей! – вместо напутствия крикнул мне в спину таракан, глумливо ухмыляясь. – И не забудь: обед ровно в полдень в общей столовой!

– Тебя убью вместо преподавателя, – процедил я уже из коридора, который, как и следовало ожидать, был абсолютно пуст. – А потом воскрешу и переселю в тело жирного клопа, которого буду сперва жарить на медленном огне, а затем охлаждать в морозильной комнате до посинения. Говорят, резкие перепады температур закаляют тело, а ты у нас еще слабенький...

Одно хорошо – телепортационная арка никуда не делась и в мгновение ока перенесла меня в учебный корпус, позволив не тратить время на прогулку по улице, как пришлось сделать остальным. Привлечь к себе внимание я не опасался: мастер Лиурой, которого я целый месяц водил за нос, наверняка сообщил о моих талантах в ректорат. В том числе и о том, что я не понаслышке знаком с рунным алфавитом, и о доставшейся мне в наследство коллекции редких книг, где наверняка могут сыскаться полезные заклинания.

Другой вопрос, что у светлых на факультетах очень ревностно относились к соблюдению правил. Нич в свое время такого понарасказывал, что я в какой-то момент твердо уверился: все светлые – ненормальные. Поэтому на урок несся со всех ног, теряя приличествующее мэтру достоинство. Но при этом не отказав себе в удовольствии посмаковать подробности своей страшной мести «фамильяру», посмевавшему поставить меня в такое неловкое положение.

* * *

В класс я зашел подчеркнуто спокойным шагом, сохраняя на лице невозмутимое выражение. Надменный, ничуть не запыхавшийся, я закрыл за собой дверь ровно в тот момент, как в коридоре прозвенел третий колокольчик, возвещающий о начале занятия.

– Добро пожаловать, – хмыкнул при виде меня поднявшийся из-за стола преподаватель – худощавый, неприятный с виду тип в длинной черной мантии без каких-либо знаков отличия. – Вы очень вовремя, адепт. Еще одна секунда, и мне пришлось бы начинать урок с наказания.

Я огляделся.

Комната оказалась большой – в боевой трансформе мне пришлось бы потратить целых тридцать секунд, чтобы обежать ее по кругу. Но вот обстановка была совершенно незнакомой: раньше учебные классы в обязательном порядке имели столы и скамьи для учеников, пол был ровным, а не поднимающимся по направлению к противоположной от кафедры стене; да и не случалось такого в мое время, чтобы студенты занимали положение выше преподавателя. А тут все обстояло ровным счетом наоборот: почти два десятка стоящих полукругом и узких до неприличия столов, где могла поместиться лишь тетрадка и локти ученика; высокие ступени, взбирающиеся чуть ли не под потолок; длинная доска на добрых две трети комнаты; стоящий перед ней такой же длинный стол, на котором без помех можно было препарировать двух человек; и какое-то непонятное приспособление перед ним, смутно похожее на трибуну. К которой как раз и подошел совершенно незнакомый мне мастер, с вежливым недоумением оставившись на мое озадаченное лицо.

За партами, как и следовало ожидать, уже сидел первый курс – все двадцать девять человек, среди которых отыскалось аж двадцать три нагло ухмыляющихся рожи и шесть симпатичных девичьих мордашек, насмешливо изучающих мою растерянную физиономию.

Впрочем, меня больше интересовал преподаватель.

Гм. И правда, в первый раз его вижу – тощий, сутулый, с невыразительной физиономией. Надменно выдвинутым вперед подбородком и болезненно выпирающими скулами... занятый тип. Довольно молодой. И он явно не станет моим любимым преподом в академии.

– Проходите, молодой человек, – с издевательской улыбочкой предложил учитель, отвернувшись и демонстративно поправив бумаги на полке своей «трибуны». А потом небрежно добавил: – Мы так долго вас ждали, что от нетерпения чуть не сгрызли себе все ногти на руках.

Ага. Язвим, значит. Пытаемся умничать. Авторитет себе набираем среди малолеток.

Я вежливо улыбнулся.

– Благодарю вас, мастер. Поверьте, я бесконечно сочувствую вашим безвинно пострадавшим рукам, но осмелюсь напомнить, что ногти имеются и на нижних конечностях.

– Как вы сказали? – замер маг, резко подняв голову от бумаг и вперив в меня недобрый взгляд. – Это что, у нас на курсе завелся шутник?

Я удивленно моргнул.

– Ну что вы, мастер. Я вообще шуток не понимаю.

– Ах вот как... – На тонких, кажущихся почти незаметными губах мастера заиграла недобрая улыбка. – Как вас зовут, адепт?

– А вас?

Преподаватель удивленно дрогнул и, чуть сузив глаза, по слогам произнес:

– Мое имя – мастер Нарди фон Берден, адепт. Я – ваш преподаватель по основам магического моделирования, а также основам рунной и заклинательной магии.

– Очень приятно. А меня зовут Гиращ, и я – ваш новый студент, – бодро отозвался я, в упор не замечая, как постепенно меняется характер улыбки светлого.

– Это ваше полное имя? – почти ласково осведомился он.

– Нет, мастер. Полное звучит так: Вальтиер Сугнар Гираш Невзун. Но я предпочитаю, чтобы меня называли только третьим именем. Оно, на мой неискушенный взгляд, более благозвучное.

Улыбка мастера окончательно увяла, а брови, напротив, сдвинулись к переносице.

– Вы – барон Невзун?

– Совершенно верно, – все так же вежливо согласился я, терпеливо стоя у двери. – В АВМ меня представил наставник – мастер Лиурой. Возможно, вы о нем даже слышали.

У преподавателя в глазах промелькнуло какое-то странное выражение.

– Да, конечно. Кто же не слышал о мастере Лиурое... Значит, вы тот самый барон Невзун?

– А что, нас на самом деле много? – внезапно обеспокоился я. Опля. Неужто кто-то претендует на мое наследство?! – Знаете, в последние два месяца мне только и говорят об отсутствии близких родственников...

– Насчет этого вас не обманули, – задумчиво отозвался маг. – Насколько мне известно, вы – последний представитель своего рода. Однако сложившаяся вокруг вас ситуация выглядит довольно забавно, не находите?

Хм. Ну, в принципе, я и не сомневался, что все, кому надо, уже в курсе. И даже похихикали, узнав, что в исконно темном семействе вдруг появился первый за долгие годы светлый маг.

– Не вижу в этом ничего забавного, мастер.

– Думаю, вы поймете меня позже, – многозначительно улыбнулся мастер Нарди, а затем, видно, почувствовав себя отмищенным, благодушно кивнул. – Проходите, адепт. Не стоит задерживать целый класс, выясняя такие незначительные подробности.

Ха-ха. Это он меня, типа, оскорбить хотел?

Проигнорировав озадаченные взгляды сокурсников и сделав вид, что не понял намека, я красноречиво помялся.

– В чем дело, адепт? – недовольно спросил фон Берден, нахмутив светлые брови еще больше.

Я выждал небольшую паузу, во время которой по группе студентов прошло легкое волнение, а потом преувеличенно громко вздохнул и, оглядев их совсем еще детские мордашки, негромко осведомился:

– Скажите, мастер, а могу ли я сесть не в общем ряду?

– Что? – удивленно моргнул светлый, машинально окинув взглядом немаленькое помещение, где на первых рядах уже не было ни одной свободной скамьи – наивные первокурсники, видимо, решили, что чем ближе к учителю, тем лучше, и, не сговариваясь, сгучились вблизи «трибуны».

– Я хотел бы занять отдельное место, – терпеливо повторил я, упрямо топчась у входа. – Если это, конечно, возможно.

Мастер Нарди выразительно обвел правой рукой учебную комнату.

– Здесь полно свободных лавок, адепт.

– Да, вы правы. Но, боюсь, они находятся слишком далеко от вас.

– Да неужели? – насмешливо фыркнул светлый, недвусмысленно покосившись на пустые задние парты. – Настолько далеко, что вам это кажется неприемлемым? Или у вас иная причина находиться к преподавателю как можно ближе?

– У меня редкое заболевание, – я сделал несколько быстрых шагов к «трибуне», одновременно понизив голос до доверительного шепота. – Избирательная глухота называется. По этой причине, сидя вдалеке, я вряд ли смогу уловить все детали вашей познавательной лекции. Нет, если вы запретите, то в последующие два с половиной часа мне придется многократно вас перебивать и переспрашивать, что может нарушить ход ваших мыслей и испортит впечатление от лекции.

Мастер нахмурился.

– Таковы правила, и я не вправе их менять, адепт. Вы можете занять любое понравившееся из оставшихся в аудитории свободных мест, барон.

– Благодарю, этого вполне достаточно, – чинно наклонил голову я и прошествовал к его собственному столу, где осталось одно-единственное на весь класс кресло, не так давно заботливо нагретое для меня светлым. В него-то я и уселся под обалдевшими взглядами сокурсников и под звучное поперхивание такого же обалдевшего преподавателя. После чего демонстративно взвалил на стоящий рядом стол свою немаленькую сумку, привычным жестом сложил руки на груди и приготовился внимать.

– Адепт Невзун! – наконец опомнился мастер. – Что вы себе позволяете?!

Я повернул к нему недоумевающее лицо.

– А что?

– Вы еще спрашиваете?!

– Вы предложили занять любое понравившееся место... и я выбрал это.

– Но оно уже ЗАНЯТО! – рявкнул, не сдержавшись, фон Берден, вперив в меня яростный взгляд.

– Кем же это? – изумился я.

– МНОЙ!

– Так вы ведь стоите на трибуне, – с подкупающей простотой указал я на истинное положение дел и для верности еще хлопнул ресницами. Однако с кресла так и не поднялся. – И будете там находиться вплоть до окончания занятия. Разве нет? Или преподавателям уже разрешается начитывать материал сидя? Насколько я помню, в правилах академии написано, что...

– Я знаю правила, – процедил светлый.

– Очень за вас рад, – вежливо улыбнулся я. – Тогда я думаю, вы согласитесь, что на время урока это место можно считать свободным? И что я ничем не нарушил вашего приказа, а всего лишь воспользовался вашим же любезнейшим предложением? Когда лекция закончится, я с удовольствием уступлю это кресло снова вам.

– Ус-ступите?! – почти прошипел взбешенный маг.

– Конечно! – с воодушевлением подтвердил я и обезоруживающе улыбнулся. – Вы ведь не возьмете свои слова обратно?

У светлого негромко клацнули зубы и изменилось лицо, порадовав меня угрожающе быстро наливающимся румянцем и нездоровой краснотой белков глаз. Пальцы он тоже сжал на полке с бумагами так, что та оглушительно скрипнула. И все это – под моим кристально чистым, абсолютно открытым, полным искреннего участия взглядом, в котором прямо-таки горела уверенность в собственной правоте.

– Хорошо... – свистящим шепотом выдавил наконец маг, молча обещая мне страшную расправу. – Сидите, адепт Невзун. Но после окончания урока вы останетесь и перескажете мне содержание этой лекции, понятно?

Все. Я его уже люблю!

Я расплылся в новой улыбке и закивал, как дурной.

– Как скажете. Только давайте уже начнем поскорее, а то вы не успеете изложить материал.

Какое-то время светлый буравил меня бешеным взглядом, но потом резко отвернулся, сжал челюсти так, что на скулах заиграли тугие желваки, и, подняв глаза на притихших адептов, сухо бросил:

– Действительно, начнем...

Закинув ногу на ногу, я блаженно откинулся на спинку честно отвоеванного кресла и прикрыл веки.

Ну что поделаешь? Люблю комфорт. И там, где его можно сохранить, приложу все усилия, чтобы не лишать себя даже крохотного удовольствия. Конечно, отношения с данным конкретным светлым после этого обязательно ухудшатся до состояния «безудержная ненависть», но чем-то приходится жертвовать ради достижения целей. Тем более что данный представитель академии лично мне ничем не интересен.

К тому же сегодня я не выспался, а общаться со злым некромантом – занятие, опасное для здоровья и жизни. Так что, можно сказать, что я добровольно избавляю окружающих от необходимости терпеть многообразные проявления моего гнусного, но изобретательного характера.

– Адепт Невзун? – вдруг подозрительно ласково обратился ко мне мастер Нарди, некстати оторвав от размышлений. – Мне показалось или вы спите на моей лекции?!

Неохотно приоткрыв один глаз и оценив выражение лица светлого, я с укором покачал головой.

– Как вы могли так плохо обо мне подумать? Просто из-за проблем со слухом я крайне плохо воспринимаю зрительную информацию и отвлекаюсь на внешние раздражители. А мне бы не хотелось упустить ни слова из столь безупречно подобранного материала. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Продолжайте, мастер, хотелось бы узнать, как вы рассматриваете возможность применения второго закона дуолаттики⁵ в отношении развивающегося дара.

– Это весьма сложный и неоднозначный вопрос, – несколько обескураженно ответил маг, не ожидавший отпора. – И на него нет единого ответа. Хотя большинство исследователей сходятся на том, что в отношении к дару законы дуолаттики как раз неприменимы.

– Если верить теории одного известного архимага и считать, что все существующее подчиняется этим законам, то почему именно магический дар стал тем исключением, которое только подтверждает правило?

– Вы знакомы с учением мастера Твишопы, адепт? – задал вопрос в лоб мастер Нарди.

Я улыбнулся.

– У нас богатая семейная библиотека.

– Неужели? И как в таком случае вы могли бы прокомментировать указанное вами противоречие?

– На мой взгляд, оно вполне укладывается в первый закон дуолаттики, мастер, о котором вы только что говорили⁶, – вежливо отказался я от обсуждения щекотливой темы.

– Что ж, – я удостоился весьма любопытного взгляда от фон Бердена, – в таком случае, возвращаясь к теме дуолаттики, я должен еще заметить...

Я успокоенно прикрыл веки и отключил слух.

Все. До конца занятия меня вряд ли побеспокоят. А если что, то содержание лекции я и без того знал наизусть – мастер Нарди банально передрал ее с записей моего учителя. Так что я не напрасно его изводил перед началом урока и непременно выясню, почему ректор допускает столь вольное трактование чужих лекций, да еще без ссылок на первоисточник.

Мои размышления прервал тихий скрип открываемой двери.

– Адепты? – внезапно изменился голос лектора, став напряженным и вибрирующим, как натянутая струна.

Я с удивлением приоткрыл глаза и озадаченно уставился на группу адептов, неловко переминающихся в дверях. Один, два, три... хм... да их восемь, оказывается. И все – с черными грифонами на нагрудных знаках.

– Можно, мастер? – робко спросил стоящий первым паренек с решительным лицом самоубийцы.

⁵ Дуолаттика (производное от термина «диалектика») – теория, рассматривающая все существующее в мире как результат взаимодействия противоречивых сил, событий и пр., и считающая всякое движение результатом взаимодействия этих элементов. Второй ее закон говорит о закономерности перехода количества в качество.

⁶ Закон единства противоположностей.

Мастер Нарди натянуто улыбнулся.

– Конечно. Проходите... коллеги. Мы давно вас ждем.

– Благодарю, – коротко наклонил голову все тот же паренек и, настороженно покосившись на напрягшихся за партами светлых, вошел в аудиторию. А следом за ним, старательно прикрываясь друг дружкой, зашли остальные... все до единого темные, которых зачем-то принесло на урок.

– Устраивайтесь быстрее, мэтры, – поразительно мирно попросил вошедших преподаватель. – Вы и так опоздали, поэтому вникать будете по ходу дела. Если что-то не поймете, подойдете потом – я разьясню.

Дети просочились на верхние ряды скамей, а я чуть с кресла не упал, наблюдая за этим чудом. Нет, я не понял: что делают темные на занятии у светлых?!

– Спокойно, – привлек к себе внимание учеников мастер Нарди и в подтверждение своих слов достал из нагрудного кармана какую-то уставленную печатями бумагу. – Распоряжение ректора: в связи с нехваткой преподавателей ваши курсы будут заниматься вместе. Правда, только на теоретических занятиях. Надеюсь, все меня услышали?

– Да, мастер, – растерянно отозвался класс, и я окончательно выпал в осадок. После чего окинул внимательным взглядом жмущихся друг к другу темных и очень надолго задумался, полностью потеряв нить рассуждений лектора.

Глава 4

У хорошего некроманта не бывает плохого настроения. Зато он всегда знает, как испортить настроение окружающим.
Мэтр Гиращ

– Даже так? – нахмурился Нич, важно восседая на парте. – Сдается мне, нынешний ректор собирается замахнуть на святое.

Я рассеянно кивнул.

Занятие давно закончилось, adeпты поспешили отправиться на поиски учебной комнаты для следующего урока. Мастер Нарди тоже удалился, окинув меня напоследок весьма многозначительным взглядом. А я вернулся в кресло и надолго задумался, когда услышал шорох и увидел выбирающегося из неприметной щели гигантского таракана.

Нич, обнаружив мою особу за учительским столом, несказанно обрадовался, заявив, что наткнулся на меня случайно и вообще просто мимо пробежал. Я, конечно, сделал вид, что поверил, и отмахнулся. Он в ответ заинтересовался хмурым выражением моей конопатой физиономии и в свойственной ему манере заметил, что оно совершенно не подходит к форме моих ушей. Пришлось поделиться новостями, и вот теперь мы хмурились уже вдвоем.

– Судя по всему, ты прав, – наконец вздохнул я, машинально потерев бив ученический перстень. – Общая форма, одинаковые колечки, совместное обучение под предлогом отсутствия преподавателей... у меня такое впечатление, что они пытаются объединить темную и светлую половины курса.

– Возможно, не только вашего, – нахохлился таракан, недовольно шевельнув усами. – Просто они начали процесс с мелких, потому что дети не так заостенели в своей ненависти друг к другу. Вот только я не понимаю, зачем им это понадобилось...

– Ты же сам говорил: чтобы возродить Темную гильдию.

– Для этого не нужно пытаться сблизить будущих мэтров и мастеров, – возразил Нич. – Есть методы попроще. А в академии, судя по всему, происходит что-то странное. Раньше adeпты практически нигде не пересекались. Ни в столовых, ни в купальнях, ни на уроках. Общий сбор проходил всего два раза в год – в первый учебный день и перед заключительным балом. Даже экзамены на факультетах шли отдельно, уж не говоря о проведении каких-то совместных занятий. А теперь...

Я покачал головой.

– Это очень большой риск.

– Сам знаю. Однако ректор не по своей инициативе это затеял. Зачем бы ему сдались лишние проблемы? Получается, что это была команда сверху... Гиращ, мне кажется, они пытаются объединить не курсы, а гильдии!

Я поморщился.

– Зачем Совету понадобилось ставить нас на один уровень со светлыми?

– А я разве сказал, что некроманты и мастера будут иметь равные права?

– А иначе все вернется к тому, с чего и начиналось, – усмехнулся я. – Думаешь, Совету нужна новая война?

– Надеюсь, что нет, – тяжело и как-то по-стариковски вздохнул Нич и тут же сник. – Но и представить, что некроманты позволят себя в чем-то ущемить, я не могу – для этого вы слишком самолюбивы. А стать нам ровней... знаешь, я когда-то мечтал, что этой вражде придет конец. Дети наивны. Что им скажут, тому и готовы поверить. Я полагал, что если год за годом вкладывать в их головы мысль о том, что можно жить без ненависти, когда-нибудь они перенесут ее во взрослую жизнь. В тот же Совет, руководство академии...

– Что же изменилось? – настороженно поинтересовался я. – Насколько я понимаю, ты передумал?

– Мне пришлось пересмотреть свои взгляды.

– Почему?

Нич снова вздохнул.

– Да потому, что я познакомился с тобой. И понял, что в действительности пропасть, которая нас разделяет, не исчисляется размерами магического резерва и не зависит от особенностей дара или цвета наших мантий.

Я вопросительно приподнял брови.

– А поподробнее можно?

– Что ж, можно и подробнее, – невесело усмехнулся мастер Твишоп. – Но сперва ответь мне на вопрос: что делает настоящего мэтра мэтром?

– Наверное, опыт? Отношение к жизни, специфика работы, особенности дара, хоть вы в это и не верите... ну и характер, конечно.

– А что формирует характер?

– Семья. Детские увлечения. События, которые с нами происходят каждый день, независимо от того, хорошие они или плохие. Каждый эпизод, случившийся в нашей жизни, оставляет свой след в памяти. Память фиксирует этот опыт. А тот, в свою очередь, позволяет реагировать на новые события, основываясь на том, что происходило с нами или не только с нами раньше.

– Верно, – одобрительно кивнул Нич. – Но дело не только в этом. Как ты знаешь, человек мыслит образами, ассоциациями, мыслеформами, которые подчас включают и зрительные, и слуховые, и обонятельные ощущения. И, что гораздо важнее, они окрашены эмоциями. Хорошими, как ты правильно подметил, или же плохими. Что-то нам нравится, к чему-то мы равнодушны, о чем-то только задумываемся, а что-то терпеть не можем. И это отношение складывается из огромного количества факторов, которые в определенный момент времени соединились в невероятно сложную мозаику из чувств...

– Мне б чего попроще, учитель, – скромно обронил я, приняв вид нерадивого студента. – Знаю, что вы очень любите эту тему, но у меня скоро занятие...

– Торопыга, – фыркнул Нич, но все-таки перевел свои умозаключения в более удобоваримую форму. – Я всего лишь хотел сказать, что поскольку большая часть одаренных детей рождается в семьях магов, то их развитие происходит по одному и тому же сценарию. Так же, как когда-то растили и развивали их отцов, матерей, дедов и бабок... согласен?

– Традиции, учитель, – послушно кивнул я. – В аристократических семьях они неискоренимы. Так что воспитание юных магов до поступления в академию из века в век остается одним и тем же.

– Правильно. Дети, получившие свой дар случайно... точнее те, у кого он оказался ненаследуемым, явление достаточно редкое, поэтому их в расчет можно не брать. Соответственно, мы с тобой говорим о тех, кто составляет большинство в гильдиях, и чье воспитание с самого раннего детства было подчинено строгим правилам.

Я снова кивнул.

– Понятно, что традиции у светлых одни, а у темных – другие, поэтому мы и приходим в академию с уже сформированными, а точнее, навязанными понятиями о том, как надо жить, как поступать и как относиться к коллегам.

Нич хмыкнул.

– Это как раз к вопросу о внушаемости молодых. Но, как я уже сказал, не все приходят в академию обремененными чужими взглядами. И не все адепты, кому повезло родиться в семьях магов, сохраняют эти убеждения к концу обучения.

– Ну мы же не дураки: развиваемся все-таки, учимся чему-то...

– Именно. Поэтому преподаватели вполне могли бы подтолкнуть вас к правильному пониманию вещей. Но видишь ли, в чем дело... сама ваша профессия накладывает определенный отпечаток. Вы совершенно спокойно возитесь с трупами, экспериментируете с нежитью, приносите в жертву живых и крайне легкомысленно относитесь к мертвым.

Я хмыкнул.

– А как к ним еще относиться? Мертвецы для нас – такой же рабочий материал, как трава для друида. Они или спокойно лежат в земле, или приносят пользу. В крайнем случае, из-за неумелого колдовства могут попытаться кому-то навредить. Но хорошему мэтру не составит труда загнать в могилу даже могущественного лича, так что впадать в панику при виде расчлененного трупа нет никаких причин. То, что нам подконтрольно, неспособно нас напугать, учитель. Вопрос заключается лишь в том, на что именно мы годны.

– Да, – тихо обронил мастер Твишоп, отводя взгляд. – Мэтры не боятся ни жизни, ни смерти. Вам неведом страх перед людьми, потому что самое худшее, что с вами можно сделать, это причинить боль или убить... но боль-то вы как раз терпеть умеете. Вы с азартом соревнуетесь с ней за право обладания вашим разумом, смеетесь над ее потугами вас ослабить и радуетесь даже крохотной победе. Да и смерть вам не страшна. Вы равнодушно отворачиваетесь, если она проходит мимо, и с пониманием усмехаетесь, когда она протягивает вам костлявую руку. Впрочем, даже ее вы умудряетесь иногда обмануть и, вопреки всем законам, все-таки находите путь к возрождению.

– Ты тоже его нашел, – возразил я.

– В одиночку у меня бы не хватило духу провести всю необходимую работу по обоснованию теории ЭСЭВ. Сколько подопытных у тебя было?

Я на мгновение задумался.

– Тысячи три... или три с половиной? Точно не помню.

– А я бы запомнил каждую жизнь, которая была отдана во благо науки, – еще тише сказал мастер Твишоп. – И каждого человека, который согласился участвовать в этом эксперименте. Думаешь, я смалодушничал? Мы больше созидатели, чем разрушители, Гиращ, поэтому и отношение к жизни у нас иное. Его диктует сама наша профессия, методы обучения, понимание тех взаимосвязей, которые существуют между живыми существами... Поверь, уничтожать живое без веской причины не станет ни один светлый. И этим мы разительно отличаемся от вас.

– Да прям! – пренебрежительно фыркнул я, не сдержавшись. – Можно подумать, мастера не умеют убивать! Или не проводят экспериментов с живыми!

– Умеем, – кротко согласился Нич. – И проводим, потому что это необходимо. Но одно дело – убить врага, а совсем другое – разрушить чью-то личность, пытаюсь выяснить, насколько крепка связь между компонентами, ее составляющими. Одно дело – провести опыт на крысе, а другое – использовать для достоверности какого-нибудь смертного. Тогда как вы никогда не делали различий между теми, кого собираетесь препарировать.

– В мои лаборатории не попадали невинные, – равнодушно откликнулся я. – Все добровольцы были осуждены и приговорены к смертной казни. Я всего лишь избавил их от мучений. К тому же многие наши заклинания немыслимы без жертвенной крови, а люди, согласись, подходят для этих целей гораздо лучше крыс.

Учитель отвернулся.

– Я просто говорю, что мы слишком разные и поэтому плохо понимаем друг друга. Да и как может понять коршуна петляющий по лесу заяц? Как объяснить дереву, что лань объедает его листья не от желания отомстить за поцарапанную шкуру, а лишь потому, что это – в ее природе?

Я улыбнулся.

– Вы стали разбираться в наших мотивах, учитель. И вы, пожалуй, один из немногих, кто понимает, что война была нам не нужна. Мэтры при всех своих странностях практичны и очень трепетно относятся к исследованиям. Колбы, пробирки, склянки, реторты, секционные столы... для нас именно это – настоящая жизнь. Дайте нам существовать спокойно, обеспечьте материалом, позвольте иметь оснащенные всем необходимым лаборатории, и мы будем тихи и кротки, как овечки... до тех пор, пока нам не сорвут очередной эксперимент. Да, мы тщеславны и самолюбивы, но это тщеславие не простирается на титулы и золото. Прилюдно посадить в лужу давнего противника – вот это достойно внимания. Доказать ему, что он не прав – что может быть увлекательнее? Сделать так, чтобы о результатах твоего труда говорили все вокруг – вот что нас манит, а опускаться до уровня дураков – удел неудачников, учитель. Надеюсь, когда-нибудь и Совет догадается, что не там ищет себе врагов.

Нич тяжело вздохнул.

– Я пришел к пониманию лишь на закате своей жизни. Стоя на пороге смерти, на многие вещи начинаешь смотреть иначе...

– А, брось, – пренебрежительно отмахнулся я. – Ты просто сумел переступить через замшелые традиции. Небольшая жертва, если сравнить с тем, сколько неприятностей могло случиться, если бы этого не произошло.

– Ты даже не представляешь, насколько прав, Гиращ, – беззвучно шепнул мастер Твишоп. А потом встряхнулся и твердым голосом заключил: – Собственно, только узнав тебя получше, я и решил, что полного взаимопонимания у наших гильдий достигнуть не получится.

– Да кому оно нужно, это взаимопонимание?! – совершенно искренне изумился я. – Нам хватит нейтралитета! Вечный мир и всеобщее благолепие – это, знаешь ли, не для нас. Вы – сами по себе, мы – тоже, а большего нам никогда и не требовалось!

У Нича дрогнули усы и едва заметно шевельнулись кончики спрятанных под хитином крыльев. А когда снаружи послышались чьи-то шаги, он неохотно отвернулся и спрыгнул на пол.

– Потом поговорим, Гиращ. Не хочу, чтобы меня увидели.

– В канализационные трубы никто не заглядывает, – тут же отреагировал я, стряхивая нагнанную учителем вялость. – Не самое популярное, надо сказать, в академии место. Но для тебя сойдет.

Таракан замер на середине шага.

– Что? – непонимающе переспросил я, когда он медленно повернулся и прожег меня яростным взглядом.

– Зато там тебя точно не увидят.

– Знаешь, нерадивых студентов раньше розгами секли, чтобы не забывали вовремя являться на занятия, – свистящим шепотом заявил Нич, угрожающе шелкнув жвалами. И в этот же самый момент снаружи пронзительно зазвенел колокольчик. – Даже жаль, что эту традицию сейчас отменили.

– Демон! – спохватился я, подскочив на ноги и опрометью кинувшись к выходу. – Я же из-за тебя опять опоздаю!

– Расписание на первом этаже учебного корпуса, – мстительно бросил таракан. – Смотри не ошибись комнатой.

– А какая мне нужна? – крикнул я, на секунду обернувшись.

– Не помню, – с достоинством отвернулся таракан и неторопливо продолжил путь к стене. – Сам говорил: старый я уже – память то и дело подводит.

– Тьфу! – в сердцах сплюнул я, уже выбегая в коридор. – Чтoб она тебя в самый неподходящий момент подвела, старый пердун! Это ж надо было так меня заболтать, чтобы я забыл о времени!

* * *

– А кто это у нас там пришел? – вкрадчиво осведомилась миниатюрная, со вкусом одетая магесса, когда я тихонько прокрался в учебную комнату и, понадеявшись, что преподавательница ничего не заметит, уселся за последнюю парту. – Мне показалось или нас все же почтил своим присутствием любезнейший барон Невзун? Который настолько уверен в своих знаниях по моему предмету, что самонадеянно пропускает начало занятия?

Я мысленно скривился: ну вот, нарвался. Даже двухсекундное опоздание у Ледяной стервы, как за глаза называли преподавательницу по Водной магии, могло стоить мне довольно дорого. Не то чтобы я мало знал, но отыскавшая меня взглядом юная леди была достойна своего прозвища. И вполне могла наградить зубодробительным докладом на какую-нибудь неприятную тему.

Собственно, юной она выглядела только внешне – на самом деле мастер Лилитана де Ракаш была одной из старейших членов Совета магов. Я помнил ее еще в те годы, когда очаровательная маркиза только-только закончила академию всеобщей магии и поступила в магистратуру, собираясь после окончания подавать документы на соискание степени архимага.

Надо сказать, леди действительно была весьма привлекательной – длинные белокурые локоны, обрамляющие невинное лицо, которое за прошедшие годы практически не изменилось; синие глаза, в которых мало кто мог разглядеть холодную бездну северного океана; и изящная фигурка, позволяющая с легкостью играть на чувствах не только неопытных адептов, но и умудренных жизнью старцев, уже не раз попадавших в коварные женские сети.

Даже я не мог не отметить редкой красоты магессы де Ракаш. И по достоинству оценил ее великолепное платье, насыщенный синий цвет которого так дивно оттенял ее светлую кожу. А когда госпожа маркиза грациозно взмахнула изящной ручкой и, не поменявшись в лице, отправила в меня шаровую молнию, даже искренне восхитился темпераментом этой леди. И не преминул продемонстрировать свой восторг, проворно согнувшись в три погибели.

– Мое почтение, госпожа преподаватель.

Молния, благополучно пролетев над моей головой, с грохотом врезалась в стену и, опалив ни в чем не повинную древесину, погасла, оставив после себя большое черное пятно и легкий запах грозы.

В наступившей тишине я разогнулся и, игнорируя вьющийся над моими плечами дымок, с самым невозмутимым видом продолжил:

– Прошу прощения за опоздание – запутался в расписании.

– Неужели оно настолько сложное? – ласково поинтересовалась маркиза, крутя в ладони длинную, похожую на боевую рапиру указку.

– Ну что вы, – вежливо улыбнулся я. – Просто в первый раз нелегко разобраться с чужими именами и фамилиями. Не поверите: некоторые из них такие заковыристые!

Голос леди наполнился ядовитой насмешкой:

– Надеюсь, за время, прошедшее с начала моего занятия, вы все-таки справились с этой непосильной задачей, барон?

– Конечно, – заверил я. – По крайней мере, ваше имя точно запомнил, леди де Какаш.

– Ракаш! – взвилась, как ужаленная, леди, мгновенно превратившись из очаровательной учительницы в мегеру. – Мое имя де Ракаш, адепт Невзун! Вам понятно?!

Я непонимающе хлопнул ресницами.

– Конечно. Я так и сказал: Лилитана де Какаш...

– Вы что, глухой?! – прорычала дамочка, оскалив жемчужные зубки.

Класс сдавленно хихикнул, а я радостно закивал, на всякий случай отступив еще на шаг.

– Да. Разве вам еще не сказали?

Неописуемая ярость на лице оскорбленной маркизы плавно сменилась растерянностью, а спустя еще несколько томительных секунд на нем все-таки проступило понимание.

– Мастер Нарди действительно упоминал, что у вас проблемы со слухом, адепт...

Я с серьезным видом снова кивнул.

– Совершенно верно. Почти не воспринимаю громкие звуки, посторонние шумы и слова, не наполненные смыслом. Трудное детство, знаете ли.

– Наслышана, – сухо бросила магесса, немного успокоившись и, кажется, взяв себя в руки. – Видимо, родной отец обошелся с вами не самым подходящим образом. И это явно сказалось на уровне вашей... подготовленности.

Интеллекта, она имела в виду?

Я покаянно вздохнул.

– Не думаю, что нам стоит ворошить мое темное прошлое. Вы позволите занять место в классе?

– Конечно, – внезапно улыбнулась она улыбкой упырицы. – Милости прошу за мой стол. Вы ведь предпочитаете находиться поближе к преподавателю?

– Благодарю. Мой отец был поклонником вашего таланта и много о вас рассказывал, – проходя мимо, я сделал восхищенное лицо. – У него в кабинете до сих пор висит ваш портрет, написанный, если мне не изменяет память, лет семьдесят или семьдесят пять назад. И должен сказать, что с тех пор вы ничуть не изменились.

С лица леди де Ракаш медленно сбежала фальшивая улыбка. Притихшие адепты втянули головы в плечи. А я, отвесив еще один глубокий поклон... не поймите неправильно: просто неприлично ухмыляться леди прямо в лицо... с комфортом расположился за учительским столом. По-хозяйски отодвинув в сторону какие-то бумаги, освободив себе как можно больше места и с вызывающим грохотом уронив на столешницу пухлую тетрадку.

– Прошу прощения, – повинулся я, когда горящий взгляд маркизы сосредоточился на моей конопатой физиономии и наполнился мстительным ожиданием. – Вы можете продолжать урок.

После этого ее скулы побелели от едва сдерживаемого бешенства, а тонкие пальцы сжались в кулачки. Прямо горжусь тем, что у меня получилось с ходу вывести эту милую леди из себя. Но то ли еще будет...

– Что ж, и правда, продолжим, – процедила маркиза, резким движением откинув с лица выбившуюся из сложной прически белокурую прядку. – Но пока мы не вернулись к теме занятия, хочу вам сообщить, барон: наказание за опоздание вы будете отбывать в качестве помощника мастера Гриндера Ворга. Весь сегодняшний вечер. Надеюсь, это вы слышали?

– В лечебном крыле, что ли? – удивился я. – Мастер Гриндер, если я правильно помню, будет вести у нас целительское дело?

– Не только, – загадочно хмыкнула леди де Ракаш, окончательно придя в себя и снова очаровательно улыбнувшись. – Но думаю, вам у него понравится.

Я пожал плечами, заметив несколько сочувствующих взглядов, а она отвернулась и, перехватив указку поудобнее, томным голосом, никак не вязавшимся с полыхающими от гнева глазами, начала урок:

– Итак, адепты, вот что нам известно о водной стихии на сегодняшний день...

Я неохотно раскрыл тетрадь, жалея о грядущих двух часах сплошной скуки, и, взявшись за перо, принялся выводить на белом листе бумаги непереводимые каракули. Всегда так делаю, когда надо подумать – рисование успокаивает. Поспать мне, конечно, не удастся, но я неплохо подремал на предыдущем уроке – вполне достаточно для того, чтобы взяться за изучение однокурсников.

Надо же знать, кто есть кто?

Вот, к примеру, начнем с девушек. В классе их шестеро: две светловолосые, одна русая, рыженькая и две темные. Из них по какой-то непонятной арифметике ровно половина носила короткие волосы, а остальные предпочитали длинные лохмы, которые или заплетали в косы, или же оставляли распущенными... видимо, пожадничали на услуги цирюльника и теперь с нетерпением ждали урока по огненной магии, чтобы первый же файербол бесплатно подправил им прически.

– А ну, встать! – вдруг гаркнула у меня над ухом какая-то сволочь, едва не оглушив.

Я озадаченно поковырял мизинцем в пострадавшем ухе.

Что за демон? Какого рожна вдруг понадобилось так орать?

– Адепт Невзун! – надрывалась маркиза де Ракаш, для верности подойдя поближе и наклонившись над самой моей головой. – Встать, кому велено! Отвечать на вопрос!

Я зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью, и снова принялся за каракули. Я глухой, мне можно. На кладбищах упыри порой так воют, так воют... так о чем я? Ах да. Перейдем наконец к парням...

– Вы меня слушаете, адепт Невзун? – неожиданно сменила тактику леди, и я, с сожалением отложив перо, поднял на нее кристально чистый взгляд.

– Разумеется, госпожа Какаш. Я – весь внимание.

– Р-р-ракаш! – прошипела она, зло сузив глаза. – Еще одна ошибка, и вам придется написать мое имя на этой доске три тысячи раз подряд! Чтобы навсегда его запомнить! Вам понятно?!

– Конечно, – послушно кивнул я. – Простите, оговорился.

– Вы слышали мой вопрос?!

– Разумеется, – удивленно отозвался я. – Вы спросили, слушаю ли я вас. И я ответил...

– Повторите последний отрывок из лекции! – не сдержавшись, рявкнула леди, от избытка чувств так треснув указкой по столу, что от ее кончика отлетела длинная щепка.

Проводив ее глазами, я пожал плечами и покорно пробормотал:

– В отличие от огня, который предназначен, в первую очередь, для боевых целей, магия воды обладает как пассивным, так и активным потенциалом, поэтому может использоваться для построения и атакующих, и защитных заклинаний в равной степени... Так, кажется, меня не все слушают? Сейчас проверим уровень знаний отдельных личностей, применив для этого мой любимый метод...

– Достаточно! – резко отвернулась маркиза, хлестнув по воздуху длинными локонами. И в тот же миг в коридоре протрезвонил, вонзившись в мозг острой иглой, проклятый колокольчик. – Все свободны!

Я огорченно вздохнул (эх, а ведь я только решил, что урок перестает быть скучным!) и вместе со всеми начал собираться.

– Не забудьте посетить мастера Ворга, Невзун! – ледяным тоном напомнила маркиза, когда я поднялся из-за стола.

– Как такое можно забыть – мое первое наказание... всю жизнь о нем мечтал!

– Свободен, Невзун! – обессиленно рявкнула леди, приложив кончики пальцев к вискам и прикрыв глаза, чтобы не видеть выражения лиц уходящих адептов. – К следующему занятию принесете мне подробный отчет о своей работе! В двойном экземпляре!

Я учтиво поклонился.

– Я приложу все усилия для того, чтобы отчет получился как можно более подробным. Отец всегда говорил, что у меня есть талант писателя. Правда, я еще и рисую, потому что в картинках легче выразить свою мысль, но оформление в словах, по его мнению, получается у меня гораздо лу...

– ВО-О-ОН! – наконец прорвало маркизу на истеричный вопль.

– Как прикажете, – ухмыльнулся я и оставил ее в покое. А затем быстро вышел, мысленно потирая руки и уже точно зная, что именно она получит в требуемом отчете.

Глава 5

Не так страшен некромант, как его окружение.

Нич

Обед со мной случился точно по расписанию – вот уж чего-чего, а это мероприятие я не пропустил бы ни за какие пряники. Особенно в свете того, что Нич умудрился оставить меня без завтрака.

Подгоняемый зверским голодом, я нахально не пошел в столовую вместе с классом, а воспользовался ближайшим потайным ходом и оказался у раздаточной стойки минут за двадцать до того, как галдящие адепты обоих отделений АВМ, занятия у которых закончились в одно и то же время, заполнили просторное помещение.

Разумеется, к этому времени я уже успел перепробовать все имевшиеся в столовой блюда и нагрузил самыми вкусными из них свой поднос. После чего бережно отнес его к дальнему столику и, выбрав лучшее место, с урчанием набросился на еду.

– Ну и горазд же ты жрать, – скептически заметил за спиной знакомый голос.

Я скосил глаза, с аппетитом обгладывая куриную кость, и, приметив спускающегося по стене таракана, фыркнул.

– Фи, магистр, как это неучтиво с вашей стороны – мешать бедному студенту насыщаться. А еще знатного роду-племени... с каких это пор всякие там графья стали столь некультурно выражаться?

– С тех самых, когда всякие там бароны... – ядовито отозвался Нич, проворно юркнув мне под локоть, пока его не заметили, – начали нагло жрать в три горла, не соизволив подождать голодного друга!

– Присоединяйся, – великодушно разрешил я, сунув ему под нос обглоданную кость. – Мне не жалко.

– А молнией по носу не хочешь? – ласково осведомился таракан, отпихнув «подарок» лапой. – Или, может, тебе новый орган вырастить на лбу – то-то господин Ворг сегодня порадуетя...

Я укоризненно посмотрел на спрятавшегося под рукавом мантии учителя.

– Что бы ты понимал – в костях же самый смак. Костный мозг знаешь, какой питательный?

– Это ты своим горгульям говори, – пробурчал Нич, подтянув к себе исходящую ароматным паром котлету и жадно вгрызшись в ее нежное нутро. – А в моем возрасте есть жирное вредно.

– Тогда ешь траву, – мстительно посоветовал я, отодвигая тарелку с мясным так, чтобы он не смог до нее добраться, не выдав себя посторонним. – Я специально взял с раздаточной целый пук, чтобы ты не угробил свое драгоценное здоровье, поедая эту невкусную, сделанную из куриного трупя дребедень.

Нич гневно засопел и, проглотив громадный кусок, недовольно уставился на меня снизу вверх.

– Слышь, ты... жертва домашнего насилия. Верни котлету, пока я добрый!

– Возьми морковку, – сосредоточенно жуя, сказал я и на всякий случай убрал подальше пирожки с яблоками. – Или хрен... хрен, кстати, очень полезен для здоровья. Особенно в пожилом возрасте, когда начинает страдать такая важная для мужчины функция, как... демон! Нич!

Вцепившийся мне в руку таракан угрожающе зашипел. Да так громко, что толпящиеся возле раздаточной стойки адепты начали недоуменно озираться. Но, к счастью, студенты были

слишком озабочены проблемой добывания пищи, так что мои манипуляции внимания не привлекли. Поэтому я рискнул сперва приподнять руку вместе с повисшим на ней тараканом и, опустив ее под стол, яростно потрясти. Понял, что это тщетно. Легонько стукнул тщедушное тельце о стену, ножку стола, собственную острую коленку... наконец наклонился к полу и мстительно придавил недовольного таракана ботинком, а когда тот от неожиданности раскрыл пасть, то проворно всунул туда хвостик от морковки и наставительно заметил:

– Добрее надо быть к людям, Нич. Добрее... глядишь, никто из них на тебя случайно не наступит.

– Пусти! – злобно простонал таракан, бессильно скребя лапками по полу. – Пусти, гад, а то хуже будет!

Я широко улыбнулся и, придавив его еще немного, чтоб не рыпался, выпрямился, а потом с удовольствием вернулся к прерванному занятию. Благо адепты уже успели разобраться с очередью у раздаточной, а затем, галдя и шумно обсуждая свои дела, начали рассаживаться за полупустые столики.

Народу, кстати, было много – огромное помещение заполнилось в считанные минуты. Многочисленные столы, расставленные ровными рядами, моментально оказались занятыми. Адепты, которым не хватило стульев, были вынуждены перекусывать стоя. А самые умные заняли стулья не только для себя, но и для друзей, охраняя их от посягательств менее расторопных студентов, пока остальные набирали еду на подносы.

Убедившись, что никому нет дела до меня и натужно хрипящего под ботинком таракана, я расслабился. Зверский голод уже отступил, живот приятно потяжелел, а на душе разлилась сытая истома.

Хорошо-о-о... И главное, ни за что платить не надо – питание для адептов академия обеспечивала на высшем уровне, так что я мог до умопомрачения трескать деликатесы, не опасаясь за целостность своего кошелька.

– Гиращ, смотри, кто там! – вдруг придушенно прохрипел Нич, в последний раз дернувшись.

Я поспешил приподнять ботинок и одновременно кинул быстрый взгляд на входные двери. После чего мигом позабыл про таракана и помрачнел.

Их было два с половиной десятка – хмурых, настороженных, стоящих плотной группой молодых людей в возрасте где-то от шестнадцати до двадцати лет. Девушки и самые маленькие были отеснены внутрь, а парни, напротив, оказались снаружи живого круга, готовые защищать остальных до последнего вздоха. И у каждого на мантии красовались черные грифоны, при виде которых у меня тревожно екнуло сердце.

Обычно мы – завязанные одиночки, не терпящие вторжения в свое личное пространство. У светлых во все века существовали какие-то общества, кружки по интересам, традиции, собрания, объединения... но некромантам это было не нужно. Мы жили, творили и умирали в гордом одиночестве, редко растрачивая время и силы на семью, женщин или что-то иное.

Но эти дети пришли сюда единой стаей, сплотившейся перед лицом общего врага. Вынужденной терпеть присутствие друг друга, неохотно принимающей помощь соседей, но готовой в один миг огрызнуться на любого, кто рискнет показать зубы.

Вот только их было мало... слишком мало для огромной академии. Даже если учесть, что после амнистии прошло довольно много времени и темных адептов старше пятого курса тут быть не могло, все равно – за все это время отыскать всего два десятка потенциальных некромантов?

Неудивительно, что от будущих мэтров исходила такая смесь настороженности – все мои одноклассники смотрели на вошедших, как на кровных врагов. При виде них в столовой мгновенно стихли разговоры и прекратился смех. Молодые люди тут же выпрямились, расправляя плечи и наливаясь дурным азартом. Девушки надменно вскинули подбородки и скривились,

будто в столовой пахнуло смрадом с кладбища. Кто-то даже демонстративно зажал нос, кому-то понадобилось с грохотом открыть окно. Кто-то привстал, угрожающе поигрывая мускулами. И лишь немногим в зале хватило ума молча развернуть стулья и вернуться к прерванному разговору.

– Я ж тебе говорил, – прошептал Нич, вскарабкавшись по моей штанине наверх и снова юркнув под мантию, умудрившись стащить со стола остаток недоеденной котлеты. – Они сделали столовую общей! И, кажется, никого не предупредили!

– Предупредили, иначе здесь бы уже всю летали боевые заклинания, – вполголоса обронил я, потянувшись за пирожком. – Просто сегодня первый день, народ еще не привык. А завтра будет попроще.

Нич с сомнением проводил глазами медленно двинувшихся к раздаточной стойке темных и хмыкнул, когда опоздавшие к обеду светлые подались назад.

– Вот даже как, – пробормотал он, с недоверием оглядев угрюмо молчащих адептов и попутно умяв нехилый кусок пирога. – Решили, значит, сразу взять быка за рога? Нет чтобы плавно, постепенно...

– Загнивающий палец лучше отсечь сразу, – отрицательно качнул головой я, глядя на то, как темные наполняют едой подносы и уходят в дальний угол столовой. – Может, в этом и был бы смысл, если бы они продумали все как следует. А полумеры ни к чему хорошему не приведут. Ты обратил внимание, что на втором уроке ни одного из темных не было?

– Откуда? – подцепив лапой еще один пирог, удивился таракан. – Я был только на первом. И то не с начала.

– То есть ты не рискнул подглядывать за Ледяной стервой? Да не шипи: я прекрасно помню, что только благодаря тебе дражайшая леди Лилитана вошла в состав Совета магов лишь со второй попытки...

– Она вошла туда только после моей смерти! – шепотом рявкнул Нич, покончив наконец с обедом и перебравшись по мантии мне за спину.

– Меня сейчас больше интересует, почему мэтрам не позволили присутствовать на (лекции по воде... Я смотрел расписание: общими у нас пока идут лишь непрофильные предметы – основы рунной и заклинательной магии, основы магического моделирования, алхимия, целительство, общая некромантия и основы пространственной магии.

Нич возмущенно засопел. Или просто обожрался, а теперь старательно прятал одышку за наигранным недовольством.

– Да, я тоже видел: на стихийной магии темные присутствовать не должны.

– При этом некромантию разделили на подразделы, – покачал головой я, поглядывая на темных. Те в полном молчании быстро перекусили, затем так же молча встали и сплоченной группой покинули столовую. – Раньше только демонология шла отдельно. А теперь появилась магия проклятий и даже оккультизм, как будто обычный некромант не способен кого-то проклясть или пообщаться с фамильным привидением... Дурь. И это притом, что учителей на эти дисциплины у академии нет, а занятия ведут всего два преподавателя. По очереди. Какой-то Гриммор де Фугг и мэтр Лонер Кромм.

– Кромма я знаю, – внезапно оживился Нич, удобно устроившись у меня на шее и выставив кверху усы, как антенны. – Старый такой маг... с талантом. Ему, кажется, поставили закрывающую печать, если мне не изменяет память?

– Да, – хмуро согласился я. – Так же, как и Модше. Помнишь такого?

– Еще бы, – пробормотал таракан, тяжело вздохнув. – Если бы не он, я бы в свое время не обратился к тебе.

Я поджал губы.

– Кромм и Модша на каком-то этапе работали вместе. И вместе потом из-за этого пострадали.

– У меня не было выхода, – снова вздохнул Нич. – Права вето на решения Совета магов его глава не имеет. Я смог только смягчить наказание, заменив смертную казнь на лишение дара. Но и это было весьма непросто.

– Тогда это спасло им жизнь. А теперь они влачат жалкое существование недомагов – знающие неизмеримо много, но не способные почти ни на что.

Моего уха осторожно коснулся тонкий усик.

– Ты тоже так жил, Гиращ.

– Да, – сухо кивнул я. – Поэтому мне было неприятно увидеть сегодня в расписании фамилию Лонера. Осколок прошлого... живое напоминание о моих ошибках... надо будет его навестить.

– А второй что за тип? – как-то слишком уж поспешно сменил тему Нич.

– Кто-то из молодых, наверное, фамилия де Фугг мне незнакома.

– Мне тоже, хотя все графские роды я когда-то знал наперечет. Видимо, кому-то из его предков его величество пожаловал за время нашего стазиса титул.

– Все может быть... Пойду-ка я пробежусь еще разок по академии. Погляжу на преподавателей, оценю размах перемен. Вернусь поздно, так что не ищи.

– Не буду, – усмехнулся я. – Я не настолько к тебе привязан, чтобы лить слезы из-за твоего исчезновения. К тому же вечером меня ждет лаборатория мастера Гриндера Ворга.

– А, это тот старый фанатик, обожающий ковыряться в чужих внутренностях... вы друг друга стоите, – пренебрежительно фыркнул Нич, тяжело спрыгнув с моего плеча и юркнув под стол. – Удачно пообщаться.

Я проследил за тем, как он, отдуваясь от съеденного и переваливаясь с боку на бок, протиснулся под ногами мирно беседующих светлых, храбро пробежал по краешку чьей-то мантии, чуть не задев хитиновым боком чужую ногу, но не рискнув протискиваться в узкую щель в стене, через которую сюда пробирался. Помедлил, дождавшись, когда объевшийся до неприличия таракан окажется поблизости от открытого пространства, которое отделяло его от спасительной тени раздаточной стойки, а потом хмыкнул и создал крохотную иллюзию. Простенькую совсем. Почти незаметную. Только и способную на то, чтобы подсветить крадущегося к выходу таракана провокационным алым огоньком.

– А-а-а! – пару мгновений спустя раздался истошный девичий визг.

Я с чувством выполненного долга запихнул в рот последний пирожок и с удовольствием прикрыл глаза.

– И-и-и! – заорали уже на два голоса. – ЧУДОВИЩЕ! МОНСТР!

Кто-то из парней с грохотом отодвинул стол и ринулся спасать перепуганных однокурсниц.

– Здесь ТАРАКАН! – наконец разглядел кто-то заматавшегося между столами Нича, чем вызвал еще большую панику. – Ой! Мамочки! Какой громадный!

– Где?! Не вижу! Покажите мне его!

– Да вон... вон он светится! – Сразу несколько дрожащих пальцев указали на бешено мечущуюся над полом метку-огонек, отлично показывающую, где именно пытается укрыться ошарашенный таким поворотом дела и изрядно растерявшийся беглец. – Он бежит сюда... нет, теперь туда! Налево! Ай, уже направо! К дверям... нет, от дверей... Да ловите же этого монстра! Чего вы мешкаете?! Он наверняка кусается!

– Вот шустрая тварь! – неприятно удивились адепты, нарезая круги по столовой и поминутно спотыкаясь о мебель. – Откуда он тут только взялся?!

– Из лаборатории темных сбежал! Откуда еще?! Давите его! Скорее, пока не убежал!

– Я его потерял!

– И я... он куда-то туда юркнул...

– Может, в щель забился?

– Да в какую щель?! Он же здоровый, как свинья! Ни в одну щель не протиснется!

– Вот же он! УБЕЙТЕ ЕГО! КТО-НИБУДЬ, ПОЖАЛУЙСТА! Я насекомых боюсь! – взвизгнули уже с другого конца зала, и по столовой прокатилась новая волна воплей. Девушки с поразительным единодушием повыскакивали из-за столов, тут же забираясь на них с ногами; парни переворачивали все вверх дном, ища нарушителя спокойствия. Нич лихорадочно носился где-то внизу, из последних сил уворачиваясь от брошенных ножей, вилок и даже летающих ботинок. А я...

Я сидел в сторонке и наслаждался жизнью, с задумчивым видом дожевывая пирожок и размышляя о том, что ректор очень мудро запретил использование боевых заклятий вне учебных классов. Если бы не это, боюсь, Нич бы так легко не отделался.

Впрочем, движение – жизнь, как утверждают мудрецы. Вот я и помог старичку растрясти жирок. Он мне потом за это спасибо скажет. Возможно. Если, конечно, не сообразит, кто его пометил, и не вспомнит некстати, что я обещал отомстить ему за испорченное утро.

* * *

На этот раз в учебную комнату я явился первым – остальные застряли в столовой, с опаской вернувшись к обеду после того, как «злбный монстр» был с позором выгнан из общественного места.

Следующим уроком значилось занятие по магии огня, преподавать которую должна была уже знакомая мне графиня де Ривье. Весьма необычная магесса с некрасивым лицом и пронзительными глазами.

Зайдя в помещение с номером тринадцать на двери и наскоро оглядев скупо обставленный класс, я без колебаний прошествовал к учительскому столу и, расположившись за ним с максимально возможным комфортом, принялся раскладывать по полочкам свои наблюдения.

Насчет темных я пока решил не делать выводов: посмотрю на них, послежу за поведением, а уж потом буду думать, насколько Нич прав в своих догадках. Но вот в чем он точно не ошибся, так это в том, что до конца студенческие потоки не объединили.

Собственно, это стало ясно в процессе изучения расписания, из-за которого я рискнул вступить в открытый конфликт с Ледяной стервой: общими у мэтров с мастерами было всего шесть предметов. Те самые, о которых я полчаса назад говорил Ничу, и которые стояли первыми парами на протяжении всей недели.

При этом стихийная магия воды, огня, воздуха, земли преподавалась только светлым adeptам и занимала все остальное учебное время, а элементы темной науки исключительно для будущих мэтров. Более того, целебное дело почему-то ввели в обязательный курс для изучения темными, общую некромантию с какого-то перепугу стали преподавать светлым, основы рунной и заклинательной магии вообще объединили в одно целое, да еще добавили такой предмет как алхимия, которого в годы моего обучения в АВМ на первых курсах вовсе не было.

Вывод напрашивался сам собой: Совет пытался реорганизовывать систему обучения магов, расширить кругозор подрастающих мэтров и мастеров, обогатив их новыми, никогда ранее не даваемыми знаниями. А вот для чего вся эта суета... На данный момент мне пришла в голову лишь одна дельная мысль: Совет пытается создать из нового поколения нечто среднее... что-то вплотную подступающее к понятию мага-универсала, владеющего знаниями и мэтров, и мастеров. Однако делается это не так давно и отнюдь не для того, чтобы создать единую гильдию – для этого в Совете находится слишком много неглупых людей.

А если вспомнить о том, что случилось в канун моего второго воскрешения, и представить, что кто-то еще заполучил дневники одного безымянного темного архимага, то картина вырисовывалась совсем-совсем другая... И она, к сожалению, означала, что драгоценные записи мэтра Валоора отыскивали себе нового хозяина до того, как барон Невзун принялся по

ним работать. А также то, что эти записи были расшифрованы, систематизированы, тщательно проверены и приняты к сведению.

Но тогда получается, что случившееся в баронстве – отнюдь не единичный эпизод, и что проблема куда масштабнее, чем я себе представлял. Более того, стремление объединить потоки темных и светлых студентов имело под собой лишь одну логичную подоплеку – это было необходимо для выявления скрытых способностей адептов. К примеру, мэтров – к магии мастеров и наоборот, что крайне редко, но все же случалось в нашем мире.

Придя к такому выводу, я с мрачным видом забарабанил пальцами по столу.

Судя по всему, нас в скором времени ждет серьезная проверка. Хотя, возможно, агрессивное поведение учителей – это тоже своего рода испытание. Создать адептам дополнительные нагрузки, вывести их из равновесия, тем самым спровоцировав неожиданный выброс скрытых в даре сил...

Пожалуй, этим можно объяснить мои сегодняшние успехи. И тот удивительный факт, что ничего страшнее визита в лабораторию мастера Ворга я за эти выкрутасы так и не получил. В какое бы иное время мне сошло с рук издевательство над преподавателем?

– Что-то вы рано, адепт Невзун, – внезапно раздалось мягкое от двери, и в класс грациозно вплыла мастер Ларисса де Ривье. Показавшаяся мне еще выше, чем в прошлый раз – видимо, из-за каблуков – и гораздо стройнее. Но, как ни странно, ее внешность не вызвала отторжения. Вероятно, потому, что графиня была единственной известной мне дамой, которая не боялась показаться такой, какой была на самом деле. – Обычно студенты не торопятся покидать столовую, пока не прозвонит предупреждающий звонок.

Поднявшись из-за стола, я отвесил даме короткий уважительный поклон.

– Возможно, мне просто захотелось вас поскорее увидеть, сударыня?

– Лстец, – усмехнулась магесса, подходя ближе и окидывая меня оценивающим взглядом. – Гораздо более вероятно, что вы просто домчались до раздаточной первым, успели наесться до отвала, а теперь решили вздремнуть перед началом урока, пока остальные неспешно насыщаются.

Я хмыкнул.

– Вы хорошо разбираетесь в потребностях адептов, графиня.

– Конечно, – без тени сомнения кивнула она. – Когда-то сама была такой же. Судя по всему, вы планируете и у меня отнять стол, как сделали это недавно у мастера Нарди и маркизы де Ракаш?

– Если вы не против, – со вздохом сознался я, выразительно покосившись на уютное преподавательское кресло.

– А что за причина, позвольте узнать? – ничуть не огорчившись, полюбопытствовала магесса. – В вашу болезнь я, простите, не верю – мы с вами успели достаточно пообщаться, чтобы отговорка с глухотой могла меня обмануть. Не хотите сидеть вместе с остальными учениками? Считаете себя выше них?

Я внимательно посмотрел на ее лицо, на котором все еще играла легкая улыбка, а потом во второй раз вздохнул и виновато развел руками.

– Не поверите – я всего лишь люблю комфорт. Но сиденья на скамьях такие жесткие, что мой костлявый зад просто не способен на них уместиться. Тогда как постоянный зуд в этом месте, знаете ли, сильно отвлекает от учебы...

Графиня удивленно вскинула брови, а потом неожиданно расхохоталась.

– Принимается. Можете сидеть за моим столом, Невзун, даю вам официальное разрешение... ну хотя бы за то, что смогли улучшить мое настроение. Только прошу вас: не кладите ноги на столешницу и избавьте меня, пожалуйста, от своих острот. Хотя бы на время занятия.

– Договорились, – хмыкнул я, довольный исходом беседы. – Но раз уж об этом зашел разговор... хочу уточнить: я могу на всех ваших занятиях безнаказанно пользоваться вашей мебелью, графиня?

Она спокойно кивнула.

– При соблюдении условий – да.

– Благодарю вас, – совершенно искренне ответил я и, подметив, как в дверь робко заглядывают однокурсники, торжественно пообещал: – Даю слово, что на ваших занятиях острот в свой адрес вы не услышите.

Ларисса де Ривье снова усмехнулась.

– Все же вы наглец, Невзун... но я прощаю вам эту дерзость. Что-то мне подсказывает, что даже такое обещание – весьма серьезная уступка с вашей стороны... Проходите, господа! – обернувшись к дверям, повысила она голос и отступила к доске, перестав обращать на меня внимание. – Занятие начинается, и я не советую вам опаздывать на него, топчась снаружи, как бедные родственники.

– Простите, госпожа магесса, – тихонечко уточнил я. – А что, если бы они были богатыми родственниками? Да еще и не вашими?

– Невзун, вы обещали! – сердито прошипела графиня.

– Так ведь занятие еще не началось, – обезоруживающе улыбнулся я, а когда снаружи прозвенел мерзкий колокольчик, выразительным жестом захлопнул рот и поспешно плюхнулся на мягкое кресло, всем видом изображая покорность.

Она несколько мгновений сверлила меня подозрительным взглядом, особенно когда я примерно сложил руки на столе и вперил отсутствующий взгляд в стену над головами торопливо рассаживающихся адептов. А затем, все еще сердясь на эту невинную шалость, с недовольным видом обернулась к классу.

– Добрый день, адепты. Следующие два с половиной часа мы посвятим изучению магии огня. А если повезет, вы даже сможете увидеть, как она работает... скажем, на каком-нибудь особо говорливом добровольце.

Я заинтересованно дернул ухом, прямо-таки чувствуя на себе многозначительный взгляд магессы, но рта не раскрыл. И вообще, сделал вид, что меня тут нет. Только после этого она успокоилась и, убедившись, что сделка все еще действительна, приступила к уроку.

Глава 6

Целительство – это не только лекарственные настои и теоретические знания, но еще и практика... а практика с чего начинается? Правильно, с клизмы.

Мастер Грундер Ворз

Свое обещание я сдержал – не произнес во время занятия ни единого слова. А вот «домашкой» милейшая леди де Ривье наградила нас так, что я только диву дался – если готовиться как положено, надо до утра проторчать в книгохранилище, чтобы составить более или менее приемлемый доклад.

Впрочем, мне это все равно не грозило – пара по огню была на сегодня последней, так что, когда впечатленные рассказом графини адепты поплелись за книгами, я бодро отправился в лечебницу, с аппетитом поедая заранее припасенный пирожок.

Выделенное под лечебный корпус здание располагалось в самом конце громадного парка, окружающего учебные корпуса и жилые башни. Низенькое, мрачноватое и одноэтажное, внутри оно тем не менее было гораздо больше, чем казалось снаружи. Отличалось гулкими коридорами и славилось многоуровневыми подвалами, в которых за годы существования академии потерялось немало адептов.

Топать дотуда было минут двадцать... по прямой. Но поскольку парк, как я уже говорил, был под завязку напичкан заклитиями, искажающими пространство – наследие магических дуэлей, регулярно происходивших на расположенных рядом учебных полигонах – то идти бы мне пришлось целый час. Если бы, конечно, я не знал прямой дороги или не умел пользоваться телепортационной аркой.

Выйдя из портала неподалеку от лечебницы, я проглотил последний кусок пирога и с любопытством присмотрелся к зданию. Но увы, смотреть там было не на что: за годы моего отсутствия оно практически не изменилось. Его не покрасили, избавляя от унылого серого цвета, не вымостили плитами утопанные тропинки, не снабдили неухоженную поляну перед входом цветочными клумбами. Даже обвивающие фасад стебли плюща выглядели такими же квелыми, как и пятьдесят лет назад. Хотя выглядывающая из-за лечебницы, красующаяся заплатками из досок стеклянная крыша травяницы⁷ свидетельствовала о том, что изредка тут все же заботились о сохранности помещений.

Старая, покрытая подозрительными бурыми разводами и многочисленными царапинами дверь при моем приближении искривилась и, раскрывшись посередине громадным ртом, злобно прокаркала:

– Кто там?!

– Микробов штамм, – бодро отозвался я, гадая про себя, не сменился ли пароль.

– Заходи, – неохотно скрипнула дверь и без промедления отворилась, показав мне узкий неосвященный каменный коридор, больше похожий на тюремные казематы. – Профессор в кабинете. Ученики в лаборатории. Тебе куда надо?

– Я на занятие по воде опоздал. Явился отбывать наказание.

– Тогда спускайся в подвал, – решила дверь. – Первый поворот налево и вниз. На двери ищи цифру три.

– Спасибо, милая, – поблагодарил я артефактную вещицу. – В следующий раз краску для тебя захвачу, а то неприлично висеть без достойного оформления.

⁷ Травяница – огороженный и закрытый от ветра и прямых солнечных лучей огород, где выращивают лекарственные растения.

Дверь удивленно дрогнула.

– Ого. Да ты из знающих... что ж, ловлю на слове. И даю заодно добрый совет: не верь всему, что видишь, и бойся того, чего не знаешь.

– Разумно, – кивнул я, заходя внутрь, и тут же зажег крохотный магический огонек, чтобы не остаться в крошечной темноте после того, как за спиной захлопнется дверь.

– И правда, знающий, – удивился артефакт, с грохотом отрезав меня от внешнего мира. – Иди давай. Профессор тоже не любит опоздавших.

Я снова кивнул и уверенно двинулся по коридору, стараясь не прикасаться к его стенам. По опыту знаю – они холодны, как лед. Если неосторожно коснуться, можно пальцы отморозить. Да и других сюрпризов здесь хватало. Ловушек, к примеру, или неожиданно провалившихся полов... многие, зайдя в это гостеприимное здание, вскоре становились клиентами профессора, сутками дожидаясь, когда мастер Ворг найдет время, чтобы вырастить им новые руки, срастить кости, свести с кожи ожоги или избавить невезучих адептов от настойчиво вылезающих прыщей, появившихся лишь оттого, что кто-то очень неудачно чихнул в лаборатории.

Спуск в подвал, как и обещала дверь, прятался за первым поворотом и больше походил на вход в змеиное логово. Будь я обычным светлым, точно бы не сунулся туда в одиночку: из дыры сквозило так, будто там поселились ледяные великаны, а уж смердело до того невыносимо, что некоторые падали в обморок. Хотя тут и делов-то, что вовремя нос зажать, затем проскочить через порог, спуститься на две ступеньки, и все: вони как не бывало. Защита такая... от дураков. А вот начинавшаяся чуть дальше лестница и правда была серьезным испытанием: насколько я помню, мастер Ворг очень давно и увлеченно выращивал редкий, крайне капризный подвид целебных грибов, которые не терпят яркого света, поэтому нормального освещения в лечебнице не было. Старожилы-то привыкли и заранее запасались слабенькими осветительными артефактами, а вот первогодки время от времени проваливались в подвал и нередко что-то себе ломали.

Возмущенные родители писали ректору жалобы, требовали исправить ситуацию и даже надавить на упрямого мага, отказывающегося заботиться о безопасности учеников. Однако поскольку мастер Ворг являлся светилом лекарского дела, в свое время был личным целителем его величества Григоара Третьего, да и сейчас частенько консультировал королевского лекаря, то надавить на него не получалось. А на любые претензии он с негодованием отвечал, что, кроме как в его подвале, эти грибы, которые, кстати, излечивали мужское бессилие, не обитают больше нигде в мире. И при попытке нарушить баланс драгоценного мицелия мир останется без ценнейшего снадобья, стоимость которого на черном рынке порой превышала все мыслимые и немыслимые пределы.

Добравшись до нужной двери, на которой красовалась полустертая табличка с номером «три», я прислушался к доносящемуся изнутри невнятному шуму и толкнул обветшалую створку.

Внутри было тесно – комнатка оказалась совсем небольшой; холодно – как, впрочем, и везде; зато светло – лаборатории были единственным местом, где мастер Ворг позволял использовать нормальное освещение. Магическое, естественно – чадающие факелы при практически отсутствующей вентиляции были строго противопоказаны.

Мебели тут почти не оказалось, за исключением секционного стола, где лежало обнаженное мужское тело, наполовину наполненного водой ведра и покосившегося табурета, возле которого были свалены в гору набитые книгами сумки.

Хозяева сумок тоже нашлись. В количестве аж пяти штук: бледные, но при этом решительно настроенные и твердо уверенные в том, что предстоящее дело важнее трясущихся коленок.

Четверо из них, низко опустив вихрастые головы, стояли вокруг трупа... ну, я надеюсь, что это был именно труп... опоясавшись кожаными фартуками и держа в руках устрашающего

вида ножи, а один – даже двузубую вилку. Тогда как пятый, наклонившись над телом, ожесточенно пытался продавить неподатливую грудину мертвеца, пиля ее, судя по раздававшимся звукам, самой старой и тупой пилой, которая только нашлась поблизости.

Хорошо еще, топора нигде не валялось. А то к изучению головного мозга адепты приступили бы немедленно.

– Эй, а что это вы тут делаете? – осведомился я, бесшумно зайдя в комнатку.

Заслышав мой голос, мальчишки вздрогнули и дружно вскинули головы, а у пилящего субъекта от неожиданности выпала из рук пила. С громким лязгом окровавленный инструмент грохнулся на пол, породив мерзкое эхо, и окрасил давно невымытый пол свежими алыми разводами.

– О, вскрываете! – вытянув шею и оценив по достоинству измочаленные ребра, догадался я. – И как? Получается?

– Не очень, – хмуро ответил пилильщик и, наклонившись, поднял с пола орудие пытки.

– Темные? – предположил я, не увидев закрытых фартуками эмблем. – Второй курс?

– С чего ты взял? – заносчиво спросил тот же парнишка. Худенький, светленький, зеленый весь, но настроенный более чем агрессивно.

Я хмыкнул.

– На первом курсе темные обучаются целительскому делу вместе с мастерами, а у тех по расписанию занятие только послезавтра. Третий курс относится к трупам более спокойно, а четвертый никогда не начал бы вскрытие с распиливания грудины или переломов ребер. Пятый – тем более. Ну а светлыми вы не можете быть по определению – у них процесс обучения построен иначе.

– Ты сам-то кто? – недобро спросил второй паренек, сжимая в руках громадные щипцы.

– Отработка у меня тут. А вы почему одни на занятии?

Мальчишка подумал, а потом, так и не увидев во мне явной угрозы, неохотно опустил щипцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.